

Ирина Сапир

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПИСЬМА

Путевые, не очень путевые
и абсолютно непутевые заметки о том,
как мы провели в Австралии целый год

Bett Nelly
media

Тель-Авив 2023

Ирина Сапир

**АВСТРАЛИЙСКИЕ
ПИСЬМА**

Фотографы

Алекс Сапир, Ирина Сапир

Художник обложки

Ксения Алексеева

Художники иллюстрации на титульном листе

Элин Сапир, Рон Сапир

Корректор

Малка-Либа Штерн (Яранцева)

Ирина Корабейникова

Редактор

Малка-Либа Штерн (Яранцева)

Наталья Терликова

Компьютерная верстка

Анна Шпац

Израиль, 2023 — 164 с.

ISBN 978-965-561-317-9

© Ира Сапир, 2023

© Все права сохраняются за автором. Данная книга
или любая ее часть не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство Beit Nelly Media, 2023

Эта книга в общем-то не об Австралии, а скорее о том, что ощущала девушка, оказавшись в столь далёком от дома и родителей месте. Уроженка черноморской Одессы, пройдя эмиграцию в Израиль, она

снова встретилась лицом к лицу с необходимостью постигать новую страну и привыкать к ней.

Хотя, конечно, и об Австралии тоже. О её жителях, городах, природе, животных. О том, насколько все по-другому на континенте, находящемся на другой стороне земного шара.

«Необыкновенно увлекательная книга о жизни и приключениях молодой пары в Австралии, написанная легким и изящным языком. Благодаря эффекту присутствия, прочитанное оставляет ощущение, что вы сами только что побывали в удивительной и необычной стране.

Автор – поэтесса и писательница Ирина Сапир – член союза русскоязычных писателей Израиля, евразийской творческой гильдии, лауреат и финалист поэтических конкурсов в Израиле, Украине, Бельгии, Болгарии, Германии и др. странах».

Редактор
Малка-Либа Штерн (Яранцева)

Все фотографии, использованные в этой книге (кроме карт и одной открытки), сделаны нашей фотокамерой. Именно поэтому хорошим качеством они не отличаются.

Тогда мы фотографировали еще не цифровым фотоаппаратом, потом сканировали фото и переносили их на компьютер. Так что главная ценность этих фотоснимков – их подлинность.

Карты, иллюстрирующие страницы книги, найдены на просторах интернета и снабжены адресами сайтов, перечисленных в конце книги.

Предисловие ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЙ В ГОД

Жена декабриста,
обратная сторона Земли
и книга в письмах

Это было очень давно. В тот период, когда человечество готовилось поменять первую цифру в обозначении текущего года. На рубеже тысячелетий. Казалось, произойдёт нечто особенное. Нет, конечно, не конец света, коим нас неустанно пугали любители остросюжетных сценариев. Просто было ощущение новизны, чистого листа, возможности начать жизнь с начала и в этот раз — безусловно.

Для большинства людей эти ожидания не оправдались. После того как на цифру «один» с грохотом свалилась цифра «два», и шум её падения, разойдясь гулким эхом, постепенно затих, жизнь потекла своим чередом, привычными суматошными буднями.

Но для нас этот последний год тысячелетия был далёк от обыденного.

Мой, тогда ещё будущий муж, подал документы на обучение в Австралии. Его давней мечтой было получение степени магистра в университете Южной Австралии, у преподавателей, по чьим книгам он постигал первую ступень профессии — бакалавриат — в Тель-Авиве. В день нашей свадьбы пришло письмо с положительным ответом, — его приняли.

Началась подготовка к отъезду. «Стены» наших будней обвила «лоза» с тяжёлыми «гроздьями» дел: оформлением документов, получением печатей и подписей, походами за покупками и так далее. Но труднее всего было подготовиться к предстоящему путешествию морально. По крайней мере, для меня. В моей жизни уже была эмиграция в семнадцатилетнем возрасте из Одессы в Израиль, годы привыкания к новой стране, учёба в университете Тель-Авива. Уже многое было. Но мне ещё никогда не приходилось уезжать от своих родителей и бабушки так далеко и так надолго. Теперь же я готовилась к поездке длиной в год на другую сторону земного шара. Не могу сказать, что восторг доминировал тогда в моих ощущениях. Скорее, страх. Австралия казалась больше мифом, чем реальной страной, а год — нескончаемым периодом. Я же чувствовала себя женой декабриста, обречённо отправляющейся вслед за супругом на далёкий континент.

В Аделаиду — столицу Южной Австралии — мы были доставлены тремя самолётами, передававшими нас друг другу по эстафете в Гонконге и Мельбурне. Первый самолёт оторвал нас от израильской земли 13-го (!) января, а третий опустил на землю Аделаиды 15-го. В общей сложности в полёте мы провели около 24 часов, сделав шестичасовую передышку в Гонконге.

Город, в котором нам предстояло прожить 12 месяцев, показался мне чужим и недружелюбным. «Как я продержусь в таком странном месте целый год?» — сокрушалась я мысленно. Но очень скоро этот вопрос сменился в моём сознании на восклицание: «Как тяжело будет покидать это райское местечко всего лишь через год!»

К концу первого месяца жизни на Австралийском континенте мы уже обзавелись замечательными друзьями и знали городок как свои пять пальцев. Муж был по уши погружён в учёбу, я — поглощена неожиданно обрётённой работой в исследовательском центре того же университета, в котором грыз науку мой супруг.

А дальше — побежал, понёсся по календарным квадратикам и страницам удивительный, незабываемый год, полный учёбы, работы, путешествий, знакомств с интересными людьми и общения с Австралийской природой.

Всё это время я писала домой письма. Эмоций было столько, что мои послания превращались в тетрадные подшивки с картинками, вырезан-

ными из журналов и наклеенными на страницы между абзацами. В Израиль регулярно уходили толстые конверты с исписанными листиками, скреплёнными в увесистые блокноты. Письма получались разделёнными по тематике: города, природа, люди, еда, праздники и так далее.

Прошло время, и последний квадратик на последней календарной странице этого года был зачёркнут. Мы с глубокой грустью оторвались от полюбившейся нам земли, вернулись домой, чтобы встретить новое тысячелетие в родных пенатах, и Австралия переместилась в раздел воспоминаний.

Через пару лет после возвращения австралийские письма, сохранённые моей мамой, вновь попались мне на глаза. Перечитав их, я решила внести тексты в цифровые архивы на случай, если сами послания потеряются.

В следующий раз я обратилась к этим записям лет через семнадцать. Я наткнулась на них случайно, наводя порядок в компьютерных файлах. В этот период моя жизнь уже шла по совершенно другому маршруту, я была принята в литературный цех.

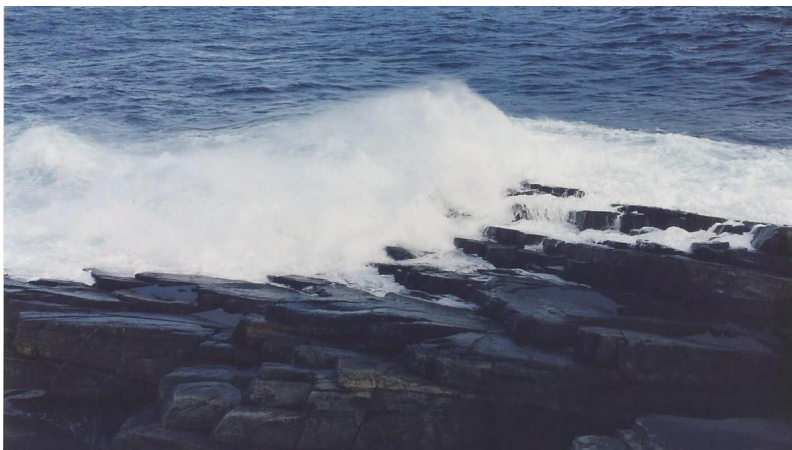
Тогда и пришла в голову мысль привести эти давние юношеские записи в порядок. В результате получилась эта книга.

Воспоминания о двенадцати австралийских месяцах и сегодня переливаются в моей памяти разноцветными картинками, несмотря на

давность лет. Помнится всё в ярчайших подробностях. От резкого крика пролетающих над головой радужных попугайчиков до одурманивающего запаха мимозы в Ботаническом саду у нашего дома.

Возможно, в этих записях есть фактические неточности. Я никоим образом не претендую на научную информативность этого текста. Его главная цель — поделиться моими личными ощущениями и восприятием событий тех лет.

Предполагаю также, что некоторые упомянутые факты уже не соответствуют истине по причине перемен, произошедших за эти годы. Сейчас, наверное, уже что-то изменилось и в Австралии, и непосредственно в Аделаиде. Но в моих письмах запечатлена та Австралия, какой она увиделась мне в далёком 1999 году, вошла в моё сердце и навсегда осталась в моей памяти.

Письмо первое

ЗНАКОМСТВО

Несуществующий рай,
заграничная командировка
и тюремные заключённые

В первый день нашего пребывания в Аделаиде я приняла этот город в штыки. Одноэтажные домики в жилых районах, наглухо зашторенные окна, тихие пустые улочки — всё было таким чужим и странным. Здесь, далеко от дома, от родных, от друзей, от привычного шума и многолюдия израильских улиц нам предстояло прожить целый год.

Когда горечь немного улеглась, я стала замечать, что место это необычайно красиво, интересно и безмятежно. Любому израильтянину, привыкшему содрогаться при сводках новостей, австралийская жизнь показалась бы курортным отдыхом. Я совсем не пытаюсь сказать, что, при-

ехав в Австралию, я обрела рай, где никогда не случается ничего плохого, где люди не знакомы с понятиями «проблема» или «горе». Как известно, подобного места на глобусе нет. Здесь так же, как и везде, люди болеют, падают, теряют работу, совершают преступления. Здесь тоже есть одинокие и обиженные, обманутые и разочарованные. Разница только в том, что в Австралии нет такой, как в Израиле, густоты всеобъемлющих проблем, от которых иногда хочется втянуть голову в плечи или по принципу страуса засунуть её в песок, которого в Израиле предостаточно. У австралийцев под боком не живут не очень дружелюбные соседи. У них вообще по географическим причинам никто под боком не живёт. При спокойном жизненном укладе у людей нет глобальных причин быть злыми и нервными, и австралийский эфир был пропитан добродушием. Так, по крайней мере, это виделось мне.

Впереди был целый год, чтобы поближе познакомиться с этой страной, её особенностями, обычаями и людьми. Я всё время ждала разочарования. Помните старый анекдот, как один человек после смерти попал в рай. А там тишина и скукотаща невероятная. Заглянул он через забор в ад, видит — веселье, музыка, танцы. Он быстренько побежал к Богу проситься в «адский» отдел. Но как только его туда перевели, сразу посадили в котёл с кипящей водой. Он опять обратился к Богу: «Почему в котёл? Я же видел, как

здесь веселятся!» Ответ, который он получил, был таким: «Не нужно путать эмиграцию с заграничной командировкой».

Многим знакомо подобное «отрезвление» буднями. И действительно, приедешь куда-нибудь на короткое время по делам или на экскурсию, — магазинчики, музеи, парки — ни работы, ни забот. И кажется, что это место — просто предел мечтаний. Но стоит переехать туда же насовсем, как жизнь сразу наполняется обычными повседневными проблемами, сказочная страна теряет свой блеск, и начинают проглядывать недостатки местной действительности.

В нашем случае я ждала того же. Эта поездка была далека от развлекательного путешествия. Мой муж ехал в Австралию учиться. Мы не знали, смогу ли я найти работу, и хватит ли у нас денег дотянуть этот год до конца.

Начались будни, возникли первые проблемы и сложности; встали вопросы, на которые нужно было отвечать; появились задачи, которые нужно было решать. Но разочарование так и не наступило.

Замечательным было всё: зелёный городок, приютивший нас на этот год; природа австралийской земли, столь непохожая на европейскую; люди, излучающие доброжелательность; даже история этой страны, напоминающая скорее авантюрный роман, чем хронологию событий.

Знакомясь с новой территорией, я всегда стараюсь хоть немного исследовать её прошлое. В результате, сегодняшний пейзаж, как правило, обретает более яркие краски, становится понятнее и ближе. Открыв книгу по истории Австралии в городской библиотеке, я ощутила знакомый с детства вкус приключенческого текста.

А дело было так. Более двухсот лет назад новооткрытый континент, возможно, казался жителям Европы опасной и непривлекательной землёй. Однако английские власти нашли этим местам интересное применение: они стали высылать туда преступников. Первая группа осуждённых поселилась на территории, которая впоследствии превратилась в город Сидней.

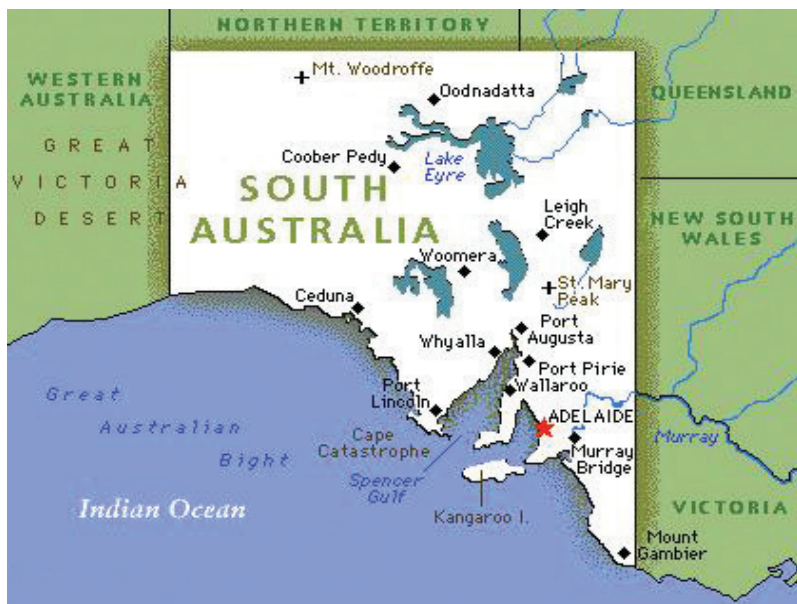
Среди заключённых были и художники, они рисовали свою «тюрьму» такой, какой она была тогда. Гуляя по Художественной галерее, я видела много подобных пейзажей. Странно было смотреть на мрачную картину с изображением нескольких деревянных домиков, болот и песков с надписью «Сидней». Ассоциировать современный цветущий мегаполис с дикой местностью, изображённой на полотнах тех времён, было практически невозможно.

Многие жители сегодняшней Австралии являются потомками тех, кто в своё время был осуждён на ссылку. Нынешних австралийцев это не только не смущает, а совсем наоборот: довольно престижно заявить, что «мой прапра-

прадедушка был выслан на этот континент, как преступник».

Нужно отметить, что весь этот рассказ имеет небольшое отношение к Аделаиде, столице Южной Австралии — первому штату страны, жителями-пионерами которого были не ссыльные, а эмигранты. Люди пересекали непредсказуемый океан и приплывали на эти, ещё малообжитые земли, надеясь на лучшую жизнь.

Не знаю, благодатным ли находили они свой новый дом. Но зато могу с уверенностью сказать, что нас Южная Австралия встретила исключительно радушно, приветила, приголубила, открыла свои сокровища и приворожила очарованием.

Письмо второе АВСТРАЛИЙЦЫ НАШИМИ ГЛАЗАМИ

Автобусные истории, фути
и музейный экспонат на обед

В общих чертах

Подавляющее большинство австралийцев — открытые и отзывчивые люди. Прохожие на улицах не прячут глаз, не отводят их в сторону, а, встретившись с тобой взглядом, улыбаются. Они уступают друг другу место в очереди, придерживают двери, помогают пожилым выйти из автобуса, а их дети наблюдают за этим и впитывают в себя атмосферу взаимопомощи и уважения. Мне показалось, они живут по принципу: почему бы не помочь, если можешь. Увидев нас, склонившихся над картой (да, да! Тогда мы еще пользовались обычной бумажной картой, а не цифровой аппликацией на мобильном теле-

фоне), к нам часто подходили и спрашивали, не потерялись ли мы.

Как-то в выходной день мы с мужем собрались в гости к его сокурсникам. По воскресеньям автобусы из нашего района отправлялись только один раз в час, поэтому, если опоздаешь на свой автобус, устраивайся на остановке поудобнее, так как тебе придётся провести там, как минимум, шестьдесят минут. Или нужно будет идти в центр пешком, что займёт примерно столько же времени. Именно это с нами почти и случилось. Не дойдя всего несколько метров до остановки, мы увидели, что нужный нам автобус отошёл и поехал спокойненько в нашем направлении. Когда водитель, проезжая мимо, увидел наши отвисшие челюсти и безнадежность во взгляде, он затормозил посередине дороги и принял нас на «борт».

В другой раз я ехала в город одна и подходила к остановке по направлению движения автобуса. Обернувшись, увидела, что едет нужный мне номер, и, естественно, припустила, чтобы добраться до остановки раньше него. Где-то на середине квартала водитель посигналил мне, крикнув в окно: «Ну сколько можно за тобой гнаться?», притормозил и уже вместе со мной подъехал к остановке.

Ещё один интересный случай из «автобусной хроники»: водитель, узнав, что двое его пассажиров ошиблись и сели не в тот автобус (в этот раз это были не мы), сдал смену другому водителю на

конечной остановке, взял этих людей в свою машину и повёз их в нужном направлении.

В общем, что говорить, австралийцы — тёплые и доброжелательные люди. Я не знаю, насколько они искренни в своей симпатии к иностранцам, хотя это и не столь важно. Мне кажется, искренность по-настоящему значима только в отношениях с родными и близкими, а с прохожими, продавцами, экскурсоводами, клерками и так далее нам, как говорится, с одной тарелки не есть. Но местные жители несут в повседневность самое главное, что делает жизнь спокойной и радостной: приветливость, вежливость и желание помочь.

Здоровье, безопасность и комфорт здесь являются вопросами первой важности, по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. По телевизору транслируется большое количество реклам анти-курения и правильного поведения на проезжей части для водителей и пешеходов. В этих рекламных сюжетах часто демонстрируются такие тяжёлые жизненные ситуации, что слабонервным и сердечникам я бы не советовала их смотреть. Но в результате в публичных местах почти никогда не встретишь курящих, дорожных аварий очень мало (особенно по сравнению с Израилем), и даже людей, говорящих по мобильным телефонам в общественном транспорте, редко увидишь. Все, что вредно для здоровья, сведено, по возможности, к минимуму.

Местные жители в основном не утруждают себя чрезмерной работой. Трудятся они пять дней в неделю. После пяти-шести вечера почти все магазины и офисы закрываются, и люди разбегаются по домам. По вечерам работают только кинотеатры и некоторые рестораны. Конечно, работники медицинской и других жизненно важных сфер работают совсем в другом режиме. Также есть и дежурные продуктовые центры, где можно отовариться в любое время суток. С голоду, конечно, не умрёшь, даже если не успел купить всё необходимое до закрытия магазинов, но ехать за «хлебом и молоком» придётся гораздо дальше, чем обычно. Если только, конечно, где-то рядом с твоим домом не приютился какой-нибудь маленький «непокорный» магазинчик, работающий по своим собственным временным стандартам. Именно так (о счастье!) было у нас. Мы обнаружили этот спасительный уголок совершенно случайно, прогуливаясь в один из вечеров между домами вдоль уснувших улочек, и с тех пор перестали стрессовать, если после работы и учёбы не успевали что-то купить. Несмотря на то, что наш «придворный» магазинчик был совсем малюсеньким, там удивительным образом умещалось множество товаров, и мы почти всегда находили на его полках всё, что нам было нужно — от хлеба и сыра до гвоздей и бельевых верёвок.

Одеваются австралийцы очень аккуратно. В будние дни на улицах большинство людей в деловых костюмах и строгих одеждах. На выходных общая картинка городских пейзажей меняется, — люди одеты просто и удобно, но всё равно адекватно и красиво.

Вначале мы с мужем были абсолютно уверены, что почти каждый встречный — это наш земляк, то есть выходец из бывшего Союза, но вблизи оказывалось, что этот «русский» спокойно разговаривает на своём родном английском. Вскоре мы поняли, что они просто очень похожи внешне на нас, а мы на них.

Интересы и хобби

Спорт здесь в большом почёте, причём не только в смысле «смотреть и болеть», но и в смысле «заниматься». Местные газеты и телевизор переполнены спортивной информацией. В Аделаиде часто устраиваются ралли, над зелёными лужайками летают крикетные шарики, по волнам скользят серфингисты, стараясь не столкнуться друг с другом, вдоль тропинок многочисленных парков и заповедников гоняют велосипедисты. Австралийский футбол по своей популярности, пожалуй, занимает первое место почётного пьедестала. Местные болельщики и футболисты называют этот вид спорта нежно и ласково — «фути».

Австралийцы показались нам заядлыми коллекционерами. В центре города на каждом шагу были расположены магазины марок, монет, телефонных карточек и так далее. Ничего удивительного в этом нет. Если у человека спокойно на душе, после работы остаётся немало свободного времени, а зарплаты хватает и на жизнь, и на удовольствия, то почему бы не увлечься коллекционированием чего-нибудь эдакого.

Познакомившись поближе с товарами во многих магазинчиках, я поняла, чем занимаются австралийские женщины дождливыми вечерами за плотно зашторенными окнами: рукоделием. Я с детства являюсь большой любительницей вышивания, вязания крючком, плетения макраме и бисероплетения. Израильтяне, к сожалению, не проявляют очень большого интереса к такому времяпровождению. Конечно, в Израиле, как и везде, есть подобные магазины, но их не так уж много, и предлагают они не слишком широкий выбор товаров. В Австралии же я просто попала в «рукодельный рай». С полок на меня смотрели журналы и книги по вязанию, вышиванию, шитью и плетению в неизбывном разнообразии и количестве. В больших торговых центрах рукодельному таинству были посвящены целые этажи, по которым я носилась, не зная, что покупать раньше. Вероятно, я походила на героя известного монолога «Склад», написанного Михаилом Жванецким и блестяще сыгранного Романом

Карцевым и Виктором Ильченко. Я покупала всё, что мне было нужно и не нужно про запас, не задумываясь о том, как я буду везти всё это добро домой. Сегодня, по истечении стольких лет, в моих закромах до сих пор лежат ещё неиспользованные ленточки, ниточки, кружева, пяльцы и бусины, купленные тогда в нескончаемый прок.

Еда

Говоря об австралийцах, просто нельзя не упомянуть об их особом пристрастии: трапезам на природе. Им совсем не нужно специального повода для того, чтобы устроить пикник. Достаточно простого желания провести время вместе, пары бутербродов, бутылки вина, и — вперед — искать уютное местечко на холмах и лужайках парков. А их здесь неограниченное множество. Когда стоит хорошая погода, зелёные участки заполняются любителями поесть на свежем воздухе.

Ну и, конечно, «барбекю», то есть мясо, приготовленное на огне, или, совсем уж по-нашему, шашлыки. Это уже не просто традиция, а, по-моему, ритуал, который неизбежно ассоциируется с австралийским досугом. С семьёй, с друзьями, с коллегами по работе; в лесу, в парке, в собственном дворике — в любых ситуациях и условиях «барбекю» — излюбленное времяпровождение.

Тема приготовления мяса на огне напомнила об одной шокирующей, по крайней мере для меня, детали. Кроме традиционного мясного ассорти-

мента австралийцы очень часто употребляют в пищу мясо кенгуру. Меня же ни на одном пикнике никто не мог заставить попробовать кенгурятину. Эти животные навсегда останутся для меня удивительными экземплярами музея природы. Есть музейный экспонат — НИ ЗА ЧТО!

Подытожим. Австралийцы, в основном, дружелюбны, интересны и легки в общении. Их вежливость и такт обеспечивают спокойную и уютную атмосферу для повседневного сосуществования. Они живут далеко не только работой. Их свободное время наполнено спортом, рукоделием, путешествиями и множеством других интересных дел.

Ботанический сад на склоне горы Лофти

Люди здесь, как и везде, конечно, очень разные: добрые и жадные, умные и глупые, скромные и наглые и так далее. Но в своём подавляющем большинстве жители Южной Австралии, с которыми нам довелось познакомиться ближе, чем с представителями других частей континента, доброжелательны, а значит, создают комфортный и приятный микроклимат для жизни на их территории.

Письмо третье Неотправленное ЛЕТНЯЯ ЗИМА И ДРУГИЕ СТРАННОСТИ

О, эта жара!

В Израиле не было от неё спасения, и здесь – та же песня! Да ещё зимой. Вернее, в Австралии как раз сейчас лето, но на календаре-то январь!

Израильская зима – это, конечно, тоже спорный вопрос! Я долго к ней привыкала после расставания с Одессой, где зимы часто радовали меня снегом и не слишком жестоким морозом. А на знойных просторах Израиля, в южной и центральной его части, где жили мы, – ни ледяных узоров на окнах, ни падающих в ладони снежинок, ни сверкающих заснеженных улиц. И всё-таки, уезжая в Австралию, по дороге в аэропорт мы кутались от пробирающего до костей холода в тёплые куртки. А по прибытии в Аделаиду эти самые куртки превратились в тяжёлую и ненуж-

ную ношу. Было жарко даже от того, что мы просто держали их свёрнутыми в руках.

Мы выехали из дома в середине зимы, а приехали в пункт назначения в разгар лета, хотя дорога заняла в общей сложности всего два дня. Как-то я смотрела фантастический фильм, название которого, к сожалению, затерялось в лабиринтах памяти. Герои этого фильма, оставив одного из своих коллег следить за звездолётом, высадились на неизвестной планете. Им казалось, что они пробыли там только один день, но, вернувшись на космический корабль, обнаружили, что оставшийся на борту учёный успел за это время поседеть и постареть. Временные параметры чужого мира были совершенно иными. Когда мы вышли из самолёта, и на нас обрушилась австралийская жара, мне сразу вспомнился этот фильм. Подумалось: «Ну, если мы, перелетая из Израиля в Австралию, пропустили только полгода, то нам повезло значительно больше, чем героям той киноленты. Они-то пропустили почти целую жизнь! По крайней мере, за время нашего путешествия на Земле никто не поседел».

Вообще, фраза «январским летним днём» до сих пор вызывает во мне волну внутреннего сопротивления и некоторое пошатывание привычного мироустройства. Не могу её принять, и всё! А новогодние праздники, пропитанные летней жарой, тогда просто выбили почву из-под моих ног.

Новый год на улице
Рандл Мол

«Три белых коня – декабрь, январь и февраль» в австралийском варианте совсем не белые, и даже не дождливо-серые, а зелёные и щедро украшенные летним цветением. Мы приехали в Аделаиду вскоре после празднования новогодней ночи, а подготовку Австралийских городов к моему любимому с детства празднику наблю-

дали уже в конце нашего пребывания на этом континенте, ровно через год.

В декабре витрины, как и положено, украсили великолепными гирляндами и сверкающими шарами, на прилавках появились филигранные ёлочные игрушки, а возле магазинов сгрудились пушистые ёлочки, готовые отправиться в дома. Но при этом температура воздуха продолжала расти, а солнце светило всё ярче и ярче. Апогеем этого диссонанса были Деда Морозы, разгуливающие в красных шортах и красных кепках от солнца с белой опушкой. Даже меня, тогда уже почти год живущую в Австралии и принимавшую почти как должное то, что названия месяцев не соответствовали привычным погодным

условиям, это привело в состояние шока. Что уж говорить об ощущениях, накрывших нас, когда, сойдя по трапу самолёта на австралийскую землю в начале января, мы погрузились в жаркое и цветущее лето.

По приезде мне пришлось познакомиться ещё с одним странным явлением. Это практически невозможно объяснить, но я на физическом уровне чувствовала, что мы находились на другой стороне земного шара, или, как шутя говорят австралийцы, «underdown» – внизу. Если я вглядывалась в небо, то где-то под рёбрами холодело от ощущения того, что я могу туда свалиться. (Смешно, да?) Ночами я вцеплялась руками в кровать от жуткой мысли, что вот-вот выпадут из неё в пустоту. Это состояние отпустило меня примерно через неделю после прибытия. Одна из осей моей системы координат крепко вошла в австралийский грунт, вернув мне привычную стабильность. Моё новое расположение относительно центра Земли стало казаться естественным, а родной материк переместился в раздел «underdown». Но я до сих пор содрогаюсь, вспоминая то непонятное состояние.

В общем, начало нашего существования в австралийских реалиях было достаточно интригующим. Ну, что ж, вызов принят. Идём дальше. Впереди – четыре (точнее, три с половиной) сезона удивительного года, надеюсь, что хорошего. Ну, уж, по крайней мере, необычного – это точно!

Письмо четвёртое

ПРИРОДА

Кенгуриные бои,
коалы под кайфом
и восьминогие охотники

Одинокий материк

Если Европа привлекает своих туристов старинными строениями и памятниками архитектуры, то главный козырь Австралии – это природа.

Книги по истории Австралии рассказывают, что когда-то эта земля была частью огромного материка. Во время Юрского периода, около 200 миллионов лет назад, Австралия с Антарктикой, видимо, в поисках уединения, откололись от большой суши и поплыли в сторону востока. Около 50 миллионов лет назад Антарктика, устав, наверно, от столь долгого соседства, отделилась и продолжила свой путь в южном направлении в гордом одиночестве. Таким образом, Австра-

лия оказалась островом, отделённым от остального мира, и в результате Австралийские флора и фауна стали развиваться совсем не так, как на остальных материках.

Платипус, ехидна, поссум, дикобраз, тасманский дьявол, собака динго, вомбат, кенгуру, коалы – эти и многие другие создания, которых мы встретили на Австралийском континенте, были для нас просто чудом. Таких удивительных существ мы никогда раньше не видели в реальности – не на картинках, а прыгающими, бегающими и плавающими прямо рядом с нами.

Животные

Одна из самых удивительных особенностей фауны Австралии состоит в том, что большинство млекопитающих – сумчатые, то есть у особей женского пола на животе имеется «сумочка», такой «вшитый ридикюль», куда их детеныши перебираются сразу после рождения.

Конечно, австралийские животные были мне хорошо известны и до этой поездки. Я, как и все, изучала их в школе, смотрела о них телепередачи, рассматривала их на страницах журналов. Но, оказавшись в зарослях высоких эвкалиптов, где между деревьями прыгали на огромных задних лапах кенгуру, с веток лениво свешивались лопухие коалы, а из-за кустов медленно выбиралась ехидна, потряхивая длиннющими иголками, я не могла отделаться от ощущения, что нахожусь

на другой планете. Мозг отказывался принимать этих непривычных существ за реальных.

Первая же встреча с кенгуру меня буквально потрясла. Было такое ощущение, что это животное, подобно Кентавру, состоит из двух абсолютно разных частей. Только в отличие от Кентавра, который объединяет в себе человека и коня, это чудо природы состоит из кролика и страуса. И ещё рычит, как собака, если чем-то недоволен. Или, при другом раскладе воображения, кенгуру можно легко принять за кролика из «Алисы в Стране Чудес», который выпил из пузырька увеличивающую жидкость, но зелье сработало только наполовину, и у кролика увеличилась лишь нижняя часть.

Кенгуру бывают разные – их около 50 видов. Самые большие – Рыжие и Серые кенгуру. Они вырастают до двух метров. А самые маленькие –

размером с крысу. Многие фермеры приручают их, да и в парках дикой природы к ним можно спокойно подходить. Но я предпочитала наблюдать за этими странными созданиями издали, особенно за двухметровыми особями. Хотя один раз близкого общения с ними избежать всё-таки нам не удалось.

Мы неожиданно столкнулись с небольшой компанией кенгуру на природе, в заповеднике возле Сиднея, в руках у нас был хлеб, оставшийся от кормления попугаев. Почувяв запах сдобы, хвостатая группа проявила интерес, и мы их угостили, что, как оказалось вскоре, было очень неразумным поступком. Быстро расправившись с предложенным угощением, кенгуриная банда потребовала продолжения банкета: один из них зарычал и наградил моего мужа характерным ударом. Удар кенгуру – это особая статья. Происходит это следующим образом: «нападающий» упирается в землю крепким хвостом и задними ногами наносит резкий удар по детородным органам противника. Для сохранения рода у мужских особей кенгуру имеется в наличии мышечная система, с помощью которой они могут втягивать эти самые органы во время битвы. Но у моего супруга такая система, естественно, отсутствовала. А потому его спасла только быстрая реакция: муж успел увернуться, подставив для удара бок. В общем, мы отделались синяками и получили щедрую порцию адреналина.

Коалы, в отличие от «хвостатых кролико-страусов», – само очарование. Если вы берёте их на руки, они доверчиво и послушно обхватывают вашу шею.

Питаются они исключительно листьями эвкалиптов определённого сорта, в которых содержится какое-то снотворное или даже наркотическое вещество. В результате, развалившись на ветках в самых уморительных позах, на вас из полудрёмы лениво поглядывают охмелевшие глазки пушистых «наркоманов». Из 24 часов они бодрствуют в среднем только четыре. Кстати, коалы почти не пьют воду. Этот феномен объясняет происхождение слова «коала». На языке австралийских аборигенов оно означает «непьющие».

Интересно, что в Австралии существуют два вида зоологических парков. То, что называется привычным нам эпитетом «зоопарк», ничем не отличается от европейских подобных заведений. Там содержатся животные, знакомые нам с детства: слоны, мишки, тигры, львы и так далее. А вот в так называемых парках дикой природы – wildlife parks – собраны истинные эндемики, то есть животные, обитающие только в Австралии. В таких зоологических центрах, как правило,

можно подержать на руках сонных коал или свободно войти в вольер, в котором обитают кенгуру и австралийские страусы Эму. Что мы с удовольствием и делали.

Страшилки

Не будем игнорировать тот факт, что Австралия славится богатым разнообразием ядовитых и опасных существ.

Во-первых, некоторые водоёмы этого материка населяют свирепые крокодилы, а у его берегов плавают прожорливые акулы. За время нашего пребывания в Австралии в газетах несколько раз появлялись сообщения о том, что «водные монстры» утаскивали ребят-серфингистов. Мы с ужасом рассматривали на опубликованных в газетах фотографиях обрывки морских костюмов погибших спортсменов.

Во-вторых, здесь обитает около 100 видов опасных змей. Одного из этих представителей мы лицезрели в непосредственной близости. (Брррррр!) Будучи ещё новичками на этой, полной сюрпризов земле, мы с сокурсниками мужа решили отправиться на пикник в дикий парк, отдалённый от людных и ухоженных мест. На дереве, под которым мы стояли в раздумьях о подходящем для перекуса месте, находилось высокое дупло. В какой-то момент мы обратили внимание, что из дупла высунулась и раскачивалась практически параллельно земле Коричневая змея, которая по токсичности яда занимает почётное второе место в мире. Решение о нецелесообразности привала в этом парке было принято незамедлительно!

А теперь самое главное – пауки. Наслышавшись разных рассказов по этому поводу, я – арахнофоб со стажем – ехала в Австралию с затаённым страхом в сердце и с поставленным мужем условием: снимать квартиру, как минимум, на втором этаже. Мои страхи, надо сказать, были вполне обоснованы. Я поняла это особенно остро, когда мы пришли посмотреть наше будущее место жительства.

Хозяйка водила нас по светлым и чистым комнатам, а я пристально разглядывала тёмные углы и другие злачные паучьи местечки. В какой-то момент поиски увенчались успехом, и я разглядела на оконной раме двух маленьких восьминогих обитателей. Я торжествующе позвала миссис

не-помню-как-её-звали и, кивнув в сторону окна, заявила: «У вас тут пауки!» Женщина посмотрела на оконную раму и, повернувшись ко мне, спросила: «Где?» Я снова проверила наличие найденных мной паукообразных и ткнула в их сторону пальцем. Отследив указанное мной направление, владелица нашей будущей квартиры воскликнула с усмешкой: «Разве это пауки?!» В этот момент передо мной оголилась вся «паучиная» реальность, в которую я попала.

В Австралии живёт много представителей паучьей плеяды, некоторые из которых смертельно опасны. Самый смертоносный паук водится в районе Сиднея. Это Сиднейский Воронковой паук (Sydney Funnel web spider). После его укуса необходимо введение противоядной вакцины примерно в течение получаса. В противном случае можно досрочно получить ответ на вопрос «Есть ли жизнь после смерти?» Этот «Джек-потрошитель» имеет очень свирепый вид и ужасно скверный характер. Нападая, он наносит по несколько ударов клыками, которые достаточно мощны, чтобы пробить человеческий ноготь. К моему великому удовольствию личной встречи с этим «сиднейцем» нам удалось избежать. Аллилуйя!

В Южной Австралии, где мы проживали, обитает менее свирепый ядоносец – относительно маленький паучок с красной спинкой. После внедрения его яда у «жертвы» есть больше вре-

мени на получение вакцины, чем после укуса сиднейского «паучинового дьявола». Это маленькое создание с ярко-красным рисунком на спине проползло как-то прямо перед нашими ногами по аллее парка. Но мы наблюдали за «перебежчиком» без особого страха: Красноспинка, в отличие от Воронкового паука, не нападает без причины. Порцию своего яда он может впрыснуть в ваш организм только в качестве защиты.

Самый «интересный» представитель восьминогих – это южноавстралийский паук Охотник.

Вреда от него не больше, чем от комара, – цапнуть может, но яд не смертелен. Зато можно легко получить шок только от одного его внешнего вида.

Этот «симпатьяга» – величиной примерно с мужскую ладонь. Увидев в первый раз этого мон-

стра на стене нашей квартиры, я даже не кричала, а просто остолбенела и не двигалась всё то время, пока мой муж его фотографировал, а после выносил из квартиры с помощью большой обувной коробки.

Честно говоря, тема, связанная с опасными или просто шокирующими на вид насекомыми и рептилиями, вначале очень напрягает. Но потом к этому привыкаешь и учишься принимать меры предосторожности. Австралийских детей с самого раннего возраста приучают поднимать в саду камни только в направлении от себя и обязательно вытряхивать тапки и туфли до того, как засовываешь в них ноги. А на окнах здесь принято ставить мелкую сеточку, чтобы максимально уменьшить возможность попадания в квартиру ползучих и летающих насекомых, которых в Австралии тоже огромное множество.

Птицы

Пернатый мир Австралии, разнообразный и разноцветный, вызывал у нас, пожалуй, самый большой восторг. У каждого водоёма толпятся пеликаны, утки и другие водоплавающие птицы.

Если люди усаживаются на траве, то их тут же окружают голуби и чайки в надежде быть накормленными. Стоит подойти к берегу реки, как утки выстраиваются в очередь, питая ту же самую надежду. Деревья и лужайки парков пестрят от попугаев.

Так же, как и млекопитающие, многие здешние птицы обитают исключительно на австралийском континенте и своим внешним видом резко отличаются от тех, что привычны европейцам. Птицы кукабарра, киви и многие другие удивят даже тех, кто абсолютно равнодушен к пернатой фауне. Мы же были в состоянии непреодолимого восхищения. После первой же пешей прогулки по Ботаническому парку, деревья и лужайки которого переливались всеми цветами радуги из-за множества попугайчиков разных видов и расцветок, мы помчались покупать хороший фотоаппарат. Впоследствии существенная часть нашего австралийского года была отдана попыткам подобраться к пернатым «фотомоделям» как можно ближе и как можно удачнее их сфотографировать.

Пожалуй, наиболее видные представители местных попугаев – это белые Какаду. Поистине, экзотические птицы.

Летит над тобой увесистая туша, как большая откормленная курица, и орёт голосом птеродактиля (я понятия не имею, как орала птеродактили, но предполагаю, что оглушительно и немзыкально). Инстинктивно пригибаешься.

Самые разноцветные попугайчики – это Радужные Лорикеты. Крона дерева, населённая такими пёстрыми созданиями, выглядит как новогодняя ёлка.

Характер у этих задир просто невыносимый! Они дразнят прохожих, проносясь яркой и истерично орущей стайкой прямо над гуляющими по

парку людьми. Такое ощущение, что они спорят, кто из них сможет пролететь ближе к человеческому носу. Так и хочется схватить одного из пернатых «хулиганов» за яркий хвост. Но не тут-то было! Они невероятно быстрые.

Именно по этой причине запечатлеть их на фото было «невыполнимой миссией». Но несколько фотокадров, которыми мы, надо сказать, очень гордимся, эти юркие птички всё-таки позволили нам сделать.

А Кукабарра?! Вроде приличная, на первый взгляд, птица. Но стоит ей открыть клюв, как это впечатление тут же исчезает. Звуки, издаваемые этой псевдо-скромницей, один в один схожи с истерическим хохотом пьяного в стельку гуляки.

Привыкнуть к этому не так-то просто. До последних дней нашего австралийского года мы

вздрагивали каждый раз, когда из крон Ботанического парка до нас доносился этот громкий раскатистый «смех». Вполне обоснованно, что название пернатой «хохотуньи» – Кукабарра – в переводе с языка аборигенов означает «смеющаяся птица».

Легко представить, что мореплаватели, высадившиеся первыми на берега Австралии, были поражены тем, что увидели на новооткрытом континенте: странные животные с сумками на животе; птицы, яркие, как палитры художников; удивительные неземные горные породы.

Камни

Кстати, о горах. В Австралии очень мало высоких гор. Это один из самых плоских континентов Земли. Однако, удивительные формы горных

пород ошеломляют людей даже с самым бурным воображением. Эти таинственные алтари природы австралийцы свято чтят. Они наделили их интригующими названиями и с удовольствием показывают туристам.

Необыкновенно эпатажный представитель австралийских горных формирований – это непостижимый Улуру или Камень Айерс. Он огромен. Человек рядом с ним смотрится как травинка. Но самое поразительное то, что эта гора – один цельный камень, возвышающийся на абсолютно плоской местности. Словно какой-то великан положил туда свой камешек и забыл про него.

Улуру считается самым большим монолитом в мире. Длина его окружности у основания около девяти километров, и он возвышается на 348 метров над плоской, выжженной солнцем равниной в самом сердце Австралии. Невероятное зрелище. Наверное. Сама не видела. Могу только предполагать, разглядывая это каменное чудо на фотографиях туристических проспектов. Мы до него не добрались. Вернее, даже и не пытались. Дорога туда показалась нам слишком долгой и слишком опасной. Пути, ведущие к Улуру, проходят через пустынные незаселённые зоны, где можно в течение нескольких дней не встретить ни одного человека. И если по дороге что-то случается с машиной, запасы воды на исходе (а телефонная связь на тех необжитых просторах всегда была проблематичной), то конец у такого

путешествия может быть вполне фатальным. В общем, наслушавшись подобных историй, мы решили, что нас вполне удовлетворит заочное знакомство с Камнем Айерс по журнальным картинкам и чужим фотографиям.

Зато нам посчастливилось лично познакомиться с другими каменными «жителями» австралийского континента, такими же странными и восхитительными. Но о них немного позже, когда по строчкам последующих писем я приведу вас на остров Кенгуру.

Климат

Местный климат очень похож на израильский: летом – изнуряющая жара, зимой – проливные дожди.

Хотя разница всё-таки есть. Если в Израиле есть области, где летний зной не даёт жителям ни дня продыху, да что там ни дня, – ни часа, то в Южной Австралии вечером после жаркого дня может подуть такой ветер, что приходится натягивать кофточку.

В этих краях очень популярно выражение «cool change» – прохладная перемена. В разгар жары австралийцы повторяли эти слова точно молитву. «Cool change», – слышали мы в кафешках, в очередях, в автобусах. И надо сказать, cool change оказывался довольно пунктуален. Как правило, он не заставлял себя долго ждать.

Осенние и зимние парки Австралии – просто сказка. Здесь, наряду с обычными лиственными деревьями, много фикусовых и хвойных, которые, как известно, «зимой и летом – одним цветом». В результате – зелёный цвет чередуется с красным и всеми оттенками жёлтого и коричневого. Красота!

Когда лето покидает австралийские парки, они приобретают ещё одну восхитительную особенность: листопад оголяет ветви деревьев, и взору открывается немыслимое множество ярких попугайчиков, которые раньше прятались в зелёной листве. Их часто можно увидеть и прыгающими по земле, так как осенью с деревьев падает много попугайчьих лакомств – шишек и ягод.

В заключение можно сказать, что бережное отношение австралийцев к природе переоценить

сложно. Огромные площади страны занимают заповедники, парки и лужайки. Особо интересные природные достояния тщательно оберегаются и превращаются в экспонаты гигантского «музея», знакомству с которым мы с радостью посвятили уйму времени.

Письмо пятое

Неотправленное

ПЕРВЫЕ КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Всё это, конечно, здорово – чудесный город, прекрасные люди, ресторанчики, парки, птички, цветочки... Но когда я всматриваюсь в радужную картину наших австралийских будней, то вижу на ней и тёмные капли. Особенно тяжело было в самом начале.

Первые дни пребывания на этом континенте были омрачены для нас джетлагом, синдромом смены часового пояса. Теперь, через много лет, могу сказать, что ничего подобного с нами не происходило ни до, ни после. Даже когда мы летали в Канаду или Америку, положенный сбой суточного ритма, конечно, наблюдался, но по сравнению с тем, что творилось с нами по приезде в Австралию, это был детский лепет.

Джетлаг настигал нас неожиданно и стремительно – срезал, точно косарь траву, вырубал,

будто обухом по голове. Противостоять ему было невозможно. Для внезапного погружения в сон нам, словно коалам, достаточно было лишь какой-то незначительной опоры. И всё! И адью! С особой яростью этот «агрессор» штурмовал нас в транспорте. Мы усиленно толкали друг друга локтями в бока, как только кто-то из нас начинал тихо сползать с автобусного кресла. Главной задачей было выйти из автобуса вдвоём, не оставив одного из нас мирно посапывать, привалившись к стеклу. А самым ужасным было сдаться одновременно. Тогда впереди сидящие пассажиры, в затылки которых мы неизбежно утыкались, выдёргивали нас из цепких лап сна недовольными возгласами, и мы усиленно пытались понять, где находимся, проспав свою остановку, и как теперь выбираться. В общем, та ещё ситуация! Битва с джетлагом шла просто за выживание – или мы его, или он нас. Примерно через неделю стало понятно, что всё-таки мы его, и назойливый враг начал потихоньку сворачивать свои позиции и отползать. Мы наконец-то широко открыли глаза и смогли по-настоящему осмотреться.

Не менее коварной ловушкой оказался для нас австралийский английский язык. Я, будучи выпускницей факультета английской литературы, ехала в англоязычную страну абсолютно спокойно. Мой супруг, проживший в Америке полгода, также не имел по этому поводу никаких опасений. Однако первые же попытки общения с мест-

ным населением сбили нашу спесь. Здесь будет уместным вспомнить ещё один фантастический фильм (и я снова не помню его названия), главный герой которого полностью забыл родной язык и не понимал ни одного слова из того, что говорили ему его друзья и родные. Подозреваю, что во время бесед с нашими новыми знакомыми в моих глазах был такой же ужас, как и у этого бедолаги. Хотя английский язык мне, конечно, не родной, я вполне сносно им владею. Неспособность понять простые объяснения вводила меня в ступор. Я жалобно смотрела на говорящих людей, узнавая отдельные английские слова и звуки, но связать всё это в единое целое у меня никак не получалось.

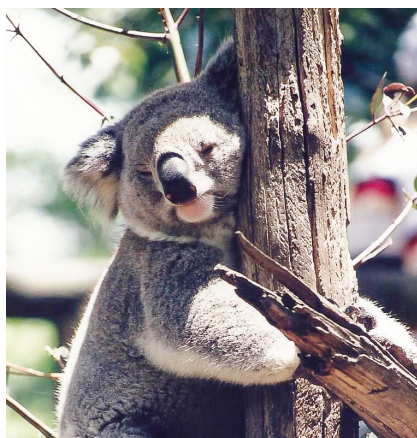
«Может, то, что я изучала до сих пор, было не английским?» – проносилось в моей голове.

А дело было просто в том, что местный диалект имеет очень своеобразное произношение. Приспособиться к этой особенности требовало времени, а общаться мы должны были уже сейчас. По прибытии мы временно поселились в студенческой гостинице. Нам нужно было как можно скорее найти квартиру на съём, а значит была необходимость звонить по объявлениям, записывать адреса, договариваться о встрече. Это была мука! Мы с мужем перебрасывали друг другу телефонную трубку, точно горящий уголёк. Мы подбрасывали монеты, решая, чья очередь звонить, с такими выражениями лиц,

словно играли не в «орёл – решка», а в «русскую рулетку». Забегая вперёд, могу сказать, что очень скоро южноавстралийский говор стал нам понятен и привычен, и что уже дома, в Израиле, вернувшись к преподаванию английского языка, я ещё долго не могла избавиться от этого акцента.

Но всё это произойдёт позже, а пока – мне было неуютно, страшно и жутко хотелось домой. Моим, на тот момент далёким близким я, конечно, об этом не писала. Не хотелось их тревожить: ведь на расстоянии чёрные краски кажутся ещё гуще, чем они есть в реальности. Я осознанно выносила тёмные вкрапления за поля «картины», которую вырисовывала своим родителям на тетрадных листочках. Супруг, наблюдая мой душевный раздрай, пытался облегчить его разными способами: вытаскивал меня из дому, водил в парки, зоопарки и магазины. В конце концов, убедившись в слабой эффективности данных методов, он сказал мне: «Если тебе так сложно, то на каникулах между семестрами сможем на недельку домой повидаться с семьёй».

«Сможемся», – это было громко сказано. Три перелёта, 24 часа в воздухе и непомер-

но дорогие билеты! Конечно, это было для нас нереально, и на подсознательном уровне я прекрасно это понимала, но почему-то сразу успокоилась. Если знаешь, что в запасе у тебя имеется план Б, чувствуешь себя уверенней. А когда пришло время этих самых каникул, я о плане Б даже не вспомнила. (Вероятно, мой муж прозорливо рассчитывал именно на такой расклад событий.) Я всё так же скучала по маме, папе и бабушке. Но лишиться себя целой недели общения с этой страной?! Какое там! Все каникулы мы носились по Австралии, стараясь постичь как можно больше чудес этой восхитительной земли, уже прекрасно понимая, что год, наполненный к тому же учёбой и работой, – это ничтожно маленький временной отрезок.

Письмо шестое

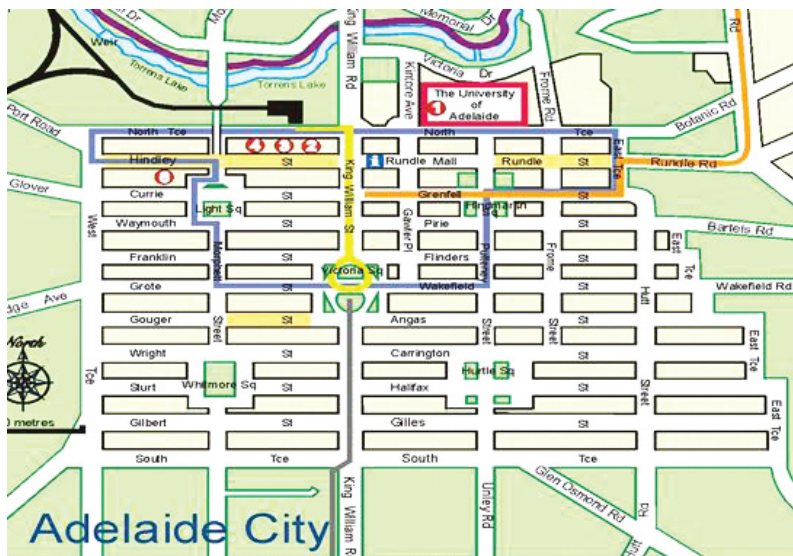
АДЕЛАИДА

Улица с высшим образованием,
непокорённый дождевой лес
и трамвайный маршрут в детство

Выйдя из здания южноавстралийского аэропорта, мы оказались в абсолютно чужом городе. Мы были равнодушны к нему, а он – к нам. Но не прошло и месяца, как в нашем лексиконе появилось словосочетание «наша Аделаида». Мы называли этот город нашим, словно имели на это право. Мы исходили его пешком вдоль и поперёк; знали, где можно купить самые вкусные круассаны и выпить самый ароматный кофе; где можно погрузиться в атмосферу праздника и суеты, а где – отдохнуть от городского шума наедине с природой. Я и сейчас, по прошествии двадцати лет, могу подробно рассказать, как пройти пешком от зелёной нирваны Ботанического сада до

бурного потока машин и людей, протекающего по центральной улице King William.

Итак, Аделаида.

Сердце города – это район Adelaide City. Вокруг него смыкается зелёное кольцо великолепных парков. За парками начинается территория, разбитая на, так называемые, «спальные» районы (suburbs). В этих окрестностях строения редко бывают выше третьего этажа, в основном – одноэтажные и двухэтажные виллы. Конечно, название «спальные» очень утрировано. Кроме частных домов там есть свои маленькие магазинчики и рестораны, в некоторых районах есть свои торговые и развлекательные центры, но не в таком количестве и разнообразии, как в Adelaide City. В City сконцентрированы высокоэтажные здания,

универмаги, учебные заведения, офисы, медицинские центры, театры, кинотеатры, рестораны и так далее. Люди приезжают сюда учиться, работать, решать организационные вопросы, делать покупки, а в конце рабочего дня разъезжаются по своим тихим suburbs. Центр пустеет, сохраняя островки активной жизни возле кинотеатров и ресторанов.

Прогуляемся по Сити.

Он окружен с четырех сторон террасами: Северной, Западной, Южной и Восточной. Хотя, согласно Википедии, террасы – это улицы, проложенные по вершине склона, именно так величают проспекты, окаймляющие центральный квадрат Аделаиды. Почему, я так и не поняла. Возможно, ответ кроется в метафорической коннотации: эти четыре улицы проходят по краям самого главного места в городе, важность и значимость которого, как бы приподнимает его над остальными районами.

Из этих четырёх террас Северная (North Terrace) была нашей любимой. В шутку мы называли её улицей с высшим образованием. На ней расположились колледжи, галереи, музеи и университет Южной Австралии, который стал нам практически вторым домом, так как мой муж там учился, а я работала (на работу в исследовательском центре университета я устроилась примерно через месяц после приезда).

В отличие от Северной Террасы, Рандл Стрит мы называли «праздной» или «легкомысленной». Часть этой улицы – Рандл Мол – пешеходная. Она похожа на большой торговый центр под открытым небом: её обрамляют по обеим сторонам маленькие и большие магазины на любой вкус. Продолжение улицы Рандл – царство кинотеатров, кафе и ресторанов. Именно здесь сосредотачивается активная жизнь, когда рабочий день заканчивается, и остальная часть города затихает.

Проспект Короля Вильяма (King William street) – центральная улица Аделаиды. Она действительно выглядит по-королевски: её окаймляют величественные здания главного почтамта, банков и государственных учреждений. Здесь также разместились туристические компании, готовые отправить вас в любую часть земного шара. Улица Короля Вильяма «прошивает» площадь Королевы Виктории. Посередине площади находится трамвайная остановка, откуда старинный трамвайчик увозит желающих на побережье Гленелг.

Эти три улицы, такие разные, – «учёная», «легкомысленная» и «королевская» – были одинаково любимы нами. Хотя мы и обошли пешком практически всю Аделаиду, большая часть нашей австралийской жизни протекала именно по этим трём аделаидским артериям.

Мой муж много времени проводил в университете, а я, особенно до того, как устроилась на

работу, надолго оставалась наедине с городом. Я вымеряла шагами его улицы, открывая всё новые и новые удивительные места, постигала его настроение и характер, впитывала его звуки и запахи, неон его вывесок и свет его окон. Я с каждым днём всё больше влюблялась в его улочки и проспекты, скверы и парки, площади и закоулки. Но несколько уголков Аделаиды заняли особое место в моём сердце. Они стали для меня своеобразными магнитами, которые притягивали, куда бы я ни шла и на каком бы расстоянии от них не находилась. Я до сих пор всё ещё чувствую это притяжение.

Ботанический парк

Этот парк, по-моему, видел меня чаще, чем стены нашей аделаидской квартиры. Я пропадала в нём часами: бродила по зелёным лужайкам и рощам; подкрадывалась к попугаям с фотокамерой в руках; лежала на траве, вглядываясь в облака и кроны деревьев.

Ботанический парк растянулся широкой полосой между центром города и «спальными» районами. Университет Южной Австралии, в котором протекали наши будние дни, подходил прямо к зелёной парковой кромке. А дом, в котором мы снимали квартиру, находился у края этого заповедника с противоположной стороны. Таким образом, самая короткая дорога от нашего дома к университету и дальше в Down Town Аде-

лаиды проходила через Ботанический Парк. И каждое утро по дороге на учёбу и работу мы, пересекая царство зелени, птиц и воды, получали мощный заряд замечательного настроения. В шутку мы называли эти парковые просторы нашим back yard (задним двором).

Рассказ о зелёном «Эдеме» Аделаиды напомнил мне об одном не случившемся событии. На территории Ботанического парка расположилась самая большая в южном полушарии Оранжерея. Это исполинское сооружение уместило в своих стеклянных стенах настоящий дождевой лес, между высоченными стволами которого можно бродить по деревянным мостикам, то спускаясь до самых низин, то поднимаясь к кронам деревьев. Австралийцы приезжают в Аделаиду из самых отдалённых городов, чтобы посетить это

удивительное место, находящееся (напоминаю!) прямо у нашего дома. Планируя каникулы и выходные, мы всё время откладывали посещение Дождевого леса на какой-нибудь подходящий денёк, когда отдалиться от дома нам не особо захочется. «Ну, это же прямо рядом с нами! Сюда-то мы точно успеем заглянуть. А сейчас жалко тратить на это время», – говорили мы и проводили выдавшийся свободный день где-то на Аделаидских Холмах или в Заливе Виктора, или ещё где-нибудь. Выбор был велик.

Я думаю, окончание этой истории более, чем предсказуемо. Мы так туда и не попали. Из окна такси, отвозившего нас в аэропорт, мы бросили прощальный взгляд на оранжерею и, по устоявшейся традиции, отложили посещение её на «какой-нибудь подходящий денёк», но уже в следующий наш прилёт на этот материк, в этот город. Лет этак через ...надцать.

Самое время вставить в текст знакомую с детства поучительную пословицу: «Не откладывай на завтра, то...» Ну, вы в курсе!

Гленелг

Здесь я просто оставила своё сердце. Будучи уроженкой Причерноморья, я влюбилась в этот район Аделаиды сразу и навсегда.

Доехать до Гленелга из центра города можно на старинном трамвайчике. Это единственная действующая в Южной Австралии трамвайная

линия. Внутреннее убранство трамвайных вагончиков оформлено в стиле ретро, – всё обшито деревом и кожей, а по вагонам ходят самые настоящие кондукторы. Так что дорога в Гленелг уже сама по себе необычайно экстравагантна. Садись в такой удивительный трамвайчик на площади Королевы Виктории в центре Аделаиды, и впереди у тебя полчаса экзотики и красивых видов за окном.

Конечная остановка находится почти у самой воды, и когда спускаешься по трамвайным ступенькам, сразу погружаешься в праздничную приморскую стихию. Тебя обнимает свежий морской ветер и весело треплет волосы. Тебя окружает пёстрая толпа людей, гуляющих по берегу, снующих по магазинам, сидящих в кафе и барах по обеим сторонам узких улочек. И вокруг – чайки, невероятное количество чаек, они лета-

ют над улицами и пляжем, кружатся над трамваями, ходят по земле вокруг посетителей кафе и ресторанов.

Данное фото не принадлежит нашей камере, это – одна из сувенирных открыток, купленных в Гленелге

С детства, проведённого на берегу Чёрного моря, я помню, что приморский район всегда легко узнаваем, даже, когда пляжей ещё не видно. Курортная атмосфера, беззаботная болтовня и смех, морской бриз и крики чаек – всё это характерные черты любого прибрежного городка. Я впитала их в себя, гуляя по Одессе. Я с радостью узнала их и в Гленелге.

Ниточка ассоциаций, протянутая моим сознанием между аделаидским Гленелгом и одесским Большим Фонтаном – дачным районом города,

– была вызвана ещё одним сходством. По центру Одессы я чаще всего передвигалась пешком или на троллейбусах. В более отдалённые районы добиралась на автобусах. И только на дачу – на 11-ую с половиной станцию Большого Фонтана – удобнее всего было добираться на трамвае. Красный трамвайный вагончик с цифрой 17 над передним стеклом навсегда врезался в мою память как проводник в лето – в беззаботное, клубничное, пляжное время. Вот почему для меня аделаидские трамвайные пути не только соединили площадь Королевы Виктории с Гленелгским взморьем, но и пробежали связующими полосками между мной и моим одесским детством.

Письмо седьмое Неотправленное КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Ну как же, как же хочется, чтобы всё было безупречно! Удивительная страна, прекрасный город, сердечные люди! В такой гармоничной картине не должно быть никаких изъянов! Но не тут-то было!

Этот день начался, как обычно. По дороге на работу я пересекла Ботанический парк, балдея от яркой зелени, птичьего щебета и плеска уток в речке. Прошла мимо университетского кафе, предвкушая чашечку ароматного кофе с французским тостом, часика этак через два. И в прекрасном расположении духа зашла в офис исследовательского центра университета.

Здесь, пожалуй, будет уместным сделать небольшое отступление. Как я оказалась сотрудником исследовательского центра (ИЦ) университета Южной Австралии? Сейчас расскажу.

Примерно через два месяца после начала учёбы мужа, директор ИЦ зашла в зал, где проходили практические занятия, и обратилась к студентам с просьбой о помощи. Выяснилось, что их ИЦ получил срочный заказ. Нужно было проработать и классифицировать большое количество научных статей на определённую тему. Рабочих кадров на это не хватало и руководство центра решило прибегнуть к помощи учащихся на курсе, убив при этом (никакого криминала, всего лишь поговорка!) сразу двух зайцев: и проект побыстрее закончить, и дать возможность студентам подзаработать. Но в этот момент над учебным залом уже всю клубился густым туманом ажиотаж охоты на знания и борьбы за хорошие оценки. Это был поток иностранных студентов. Юношам и девушкам, оторвавшим себя от привычной рутины ради года обучения в Австралии, было не до этого. А потому, в ответ на своё предложение, директор ИЦ отнюдь не увидела лес рук. Ни одной поднятой руки. Вернее, только одну руку (моего мужа). Но оказалось, что вызвавшийся предлагает в качестве рабочей силы не себя, а свою жену (то есть меня). Дескать, знание английского языка у неё хорошее, а практических навыков физиотерапевта для этой должности не требуется, так почему бы не попробовать. Начальница, надо сказать, была не очень воодушевлена таким поворотом событий, но так как выхода у неё не было, согласилась на этот вари-

ант. (Как там говорится, на безрыбье и рак – рыба. Вот такой недо-рыбой я и оказалась.)

С чем я столкнулась в свой первый рабочий день: относительно большой кабинет с несколькими столами, за которыми сидели мои будущие коллеги, уставившиеся в компьютеры и время от времени щебетавшие друг с другом на своем родном английском. Один из столов выделили мне, а на нём меня ждала огромная стопка (не меньше сотни) статей, с которыми мне предстояло разобраться. Думаю, можно не объяснять, что в этот момент мне ужасно захотелось сбежать от этой груды скучных текстов и чужих людей домой. Но порог был уже пройден.

Лёд тронулся практически сразу. «Чужие» люди оказались добродушными и дружелюбными. Меня тут же приняли в общее щебетание, абсолютно не обращая внимания на мой иностранный акцент и лексические ошибки (а они были, я уверена!). Начиная со следующего дня, я бежала по утрам в исследовательский центр с радостью, забыв прежние страхи и переживания. Мои офисные будни были приправлены болтавней, сплетнями и шутками, как и положено в любой нормальной организации. Забегая вперёд (в очередной раз) скажу, что рабочие отношения вскоре переросли в дружеские, и за этот год мы не раз побывали на барбекю в домах моих сослуживцев. А мой уход из центра, который произошёл примерно за две недели до отбытия из Австралии до-

мой, был наполнен грустью расставания с этими очаровательными людьми, принявшими меня в свои ряды и никогда не дававшими мне почувствовать, что я чужая.

Но это всё произойдёт немного позже. А пока я с головой нырнула в мелкие и частые строчки научных статей. Они оказались не такими ужасными, как я ожидала, и я быстро наладила рабочий процесс. Справилась я с этой задачей раньше, чем ожидала сама, и, вероятно, чем ожидала моя начальница. По окончании проекта она вызвала меня на ковёр и с улыбкой сообщила, что исследовательский центр не желает... со мной расставаться. Мне было предложено подписать контракт, и с этого момента я вошла в исследовательскую группу как официальный работник – ассистент. В течение последующих месяцев наша команда вела несколько интересных проектов. Хотя физиотерапевтом я была исключительно «по мужу», все происходящее было мне очень интересно, и работала я с удовольствием.

И снова сделаем прыжок в сторону конца того года. Когда я прощалась с начальницей и коллегами, кроме замечательных подарков на память и трогательной открыткой, в которой каждый из моих сослуживцев оставил теплые и сердечные слова, я получила официальное письмо, сообщавшее всем причастным, что сотрудница, по имени Ирина Сапир, будет снова принята в ряды исследовательской команды в любое время, при

условии, конечно, что данная организация будет ещё существовать. Это письмо было мне фактически не нужно. Мы не планировали вернуться сюда на постоянное место жительства. Но оно явилось в некотором смысле моей победой, успешно сданным жизненным экзаменом: приняли меня на один маловажный проект и то в следствие неимения более подходящего варианта, а оставили, практически, навсегда.

Теперь можно снова вернуться в тот самый день, с которого начинается эта глава.

Итак, я разложила на столе необходимые документы и принялась за работу. Когда мои коллеги привычным «клином» потянулись в сторону кафетерия, я достала из сумки кошелёк и положила его рядом с собой на стол, планируя закончить абзац, схватить бумажник и встроиться в «клин».

Нет, секундочку. Нам снова придется отступить от рассказа для небольшого дополнительного разъяснения.

Получасовой перерыв на утренний кофе с лёгким перекусом был неизменной традицией нашей исследовательской команды. В течение первых дней своей работы в этом центре я, как и положено новому сотруднику, старалась отличаться высокой трудовой активностью и поэтому не отрывалась от рабочего стола с момента прихода в офис и до обеденного перерыва. Примерно на третий день такой образцово-показательной работы моя начальница оттащила меня

от разложенных на столе статей, практически насильно повела за руку со всей честной компанией во внутренний дворик университета и усадила за столик кафе между собой и своим секретарем (видимо, чтобы я не сбежала). С тех пор я неизменно чтю эту офисную традицию и, привыкнув к ней, примерно через два часа после начала рабочего дня начинала чувствовать острую нехватку кофейного зелья в организме.

Ну вот, вроде бы всё, можно продолжать.

В этот день я, как всегда, предвкушая аромат любимого напитка, собралась в кафе, но до этого забежала в соседний кабинет, чтобы отнести обработанные документы. Вернувшись в свою рабочую комнату и протянув руку к столу, где всего лишь пять минут назад лежал мой кошелёк, я сразу поняла, что запах кофе в это утро пронесётся мимо меня. Кошелек не было. Его стащили. Прямо с моего стола. Прямо из офиса, расположенного в глубине университетских коридоров, куда вряд ли заглянул бы случайный посетитель. «Кто же тогда посмел посягнуть на мою собственность? Коллеги? Студенты?» Лучше об этом не думать. Моя начальница, узнав о случившемся, не просто отпустила меня с работы, а настоятельно потребовала, чтобы я тут же отправилась в полицейский участок. Я, конечно, отнеслась к этому предложению с усмешкой. «Кто будет меня слушать и заниматься поиском какого-то кошелек?!» Но в полицию всё-таки отправилась

(интересно же!). На удивление, к моей проблеме отнеслись со всей серьёзностью: заполнили документы, расспросили о деталях, обещали, что будут искать. Поиски оказались, увы, безрезультатными. Мой кошелёк остался во владении и на совести вора, а у меня появилась прекрасная причина купить себе новый!

С кражей нам пришлось столкнуться в Австралии ещё один раз. Причём, весьма необычным образом. Наша квартира находилась на втором этаже двухэтажного здания. На улице возле дома был огорожен забором небольшой дворик, на территории которого были натянуты бельевые верёвки. Именно здесь все обитатели этого немногоквартирного здания развешивали вынутое из стиральных машин бельё.

Одним вечером я, необременённая плохими предчувствиями, привычно спустилась вниз, развесила стирку, в которой по несчастью оказались мои любимые вещи, и спокойно отправилась спать. Утром, выходя из дома на работу, я бросила беглый взгляд на «бельевой» дворик и увидела, что (о ужас!) верёвки пусты. Предметы одежды были безжалостно сдёрнуты с них прямо в мокром виде (высохнуть они явно не успели) и унесены в неизвестном направлении. А у меня (ура!) снова появилась причина для шоппинга!

Раз уж я затронула тему преступности, то добавлю пару слов о местных блюстителях порядка. «Моя милиция меня бережет!» Помните эту

фразу? В Австралии, конечно, не милиция, а полиция, и «моей» она являлась разве что косвенно, но к слову «бережёт» – никаких претензий. В одном из первых писем я рассказывала, что комфорт и благополучие граждан является здесь (по моим субъективным впечатлениям) вопросом первостепенной важности. Если, к примеру, из соседской квартиры слышится слишком громкая музыка, вы можете смело звать полицейских. Они незамедлительно приедут и терпеливо во всём разберутся. Честно сказать, в маленькой и тихой Аделаиде с более серьёзными причинами для вызова полиции нам не только не приходилось сталкиваться лично, мы даже не читали о таковых в газетах и не слышали в телевизионных новостных программах. Конечно, Австралия огромна, и в её городах, безусловно, имеются проблемные районы, обеспечивающие полицейским нескудные и активные будни. Но мы об этом можем только догадываться, так как кража моего полупустого кошелька и мокрого белья были нашими единственными столкновениями с австралийской преступностью. Но зато нам довелось наблюдать, как добродушие и сердечность, характерные для местного населения, проявляются даже в действиях представителей органов правопорядка.

Произошло это ближе к концу года. Сокурсники моего мужа планировали устроить на выпускном вечере выступление в стиле капустника, и

в течение нескольких месяцев мы достаточно часто собирались на репетиции. Разумеется, на этих встречах ребята пропускали по паре бутылочек пива или ещё чего-нибудь покрепче. Во время одной из таких сходов паренёк по имени Хану из Финляндии выпил больше обычного. Скажу честно, он был откровенно пьян. Так как машины у нас с мужем на тот момент не было, Хану заехал за нами по дороге на репетицию, и вернуться домой мы тоже планировали с ним. И, должна признаться, планы мы менять не стали. (Какое счастье, что это письмо осталось неотправленным и не оповестило моих родителей о поступке, который они наверняка бы назвали «абсолютно безответственным» и «неоправданно рискованным», – сесть в машину к пьяному в стельку водителю!)

К машине Хану шёл зигзагом. Машину вёл примерно так же. Естественно, эта зигзагообразная езда вскоре была прервана дорожной полицией. Хану предложили выйти из машины и пройти тест на алкоголь. Несложно предположить, что показал тест, и нам грозил увесистый штраф. Учитывая обстоятельства, спорить было абсолютно бесполезно и нелогично. Но Хану решил испытать судьбу. Он подробно рассказал полицейскому, как старательно его сокурсники готовят выступление в связи с окончанием учебного года, как жалко нам всем будет расставаться, как сильно мы все подружились и так далее,

и тому подобное. Полицейский с большим сочувствием выслушал эту душевную тираду, погрозил Хану указательным пальцем и, предупредив, что в следующий раз уже не простит такого поведения, отпустил нас восвояси. Хану от неожиданности протрезвел, абсолютно обалдевший сел в машину и задумчиво произнёс: «Это сколько же я должен был выпить, чтобы меня всё-таки оштрафовали?» Минут через двадцать Хану благополучно высадил нас у подъезда нашего дома.

Скульптурный ансамбль на улице Рандл Мол

Добавлю также, что наш присмиривший после встречи с полицией водитель беспрепятственно добрался домой и на следующий день появился в университете в хорошей форме. Мы же больше не лезли на рожон и впредь не садились в машину к Хану.

Признаюсь, события, о которых я рассказала в этом письме, слегка потревожили штиль наших австралийских будней. «А в остальном, прекрасная маркиза...» Нет, на самом деле, в остальном всё было замечательно...

Письмо восьмое

МЕЖСЕМЕСТРОВЫЕ КАНИКУЛЫ

ЧАСТЬ 1

Стеклянные туалеты,
парад пингвинов
и танцующие капли

Мой муж закончил первый семестр учёбы, и впереди у нас были две недели каникул. К планированию проведения этого периода мы отнеслись очень ответственно. Было решено, что первые несколько дней мы посвятим путешествию в Мельбурн, а всю оставшуюся часть – университетским статьям и курсовым работам. Но всё получилось немного по-другому...

Итак, вначале был Мельбурн.

Чудный город: современные небоскрёбы чередуются со старинными зданиями, по улицам бегают трамвайчики.

Кстати, все мельбурнские трамвайчики – зелёные. Мне всегда казалось, что доминирующий цвет общественного транспорта становится символическим цветом города. Например, побывав в Лондоне, я дала ему определение «красный», из-за его ярко-красных автобусов, а Мельбурн, прошиваемый вдоль и поперёк зелёными трамвайными лентами, будет всегда ассоциироваться для меня с зелёным цветом.

Мельбурн – это город фонтанов и огней. Почти на каждой площади, в каждом парке и сквере слышно журчание воды. Каких только фонтанов мы там не видели: водопад, стекающий по отвесной стене, фонтан в виде шара или струй воды, вырывающихся прямо из асфальта, фонтаны в старинном стиле, танцующие фонтаны – невероятное разнообразие. А когда наступает темнота, город вспыхивает тысячами огней. Кто не видел Мельбурн ночью, тот не видел Мельбурн.

Но начнём всё по порядку.

День первый

Дорога в Викторию (штат, столицей которого является Мельбурн) из Южной Австралии заняла на автобусе одну ночь. В Мельбурн мы прибыли в 7 часов утра, забросили вещи в гостиницу и пустились в марафон, который не прекращался четыре дня.

Знакомство с городом мы начали с его центральной части – Сити. И нашей первой оста-

новкой был торговый центр Melbourne Central. Давным-давно, в 1889-1890 годах, на этом месте построили кирпичную фабрику, с башней-дымоходом высотой в пятьдесят метров. В то время это было самое высокое здание города.

В современную эпоху на этом месте решили построить торговый центр. Конечно, сносить такой памятник архитектуры не представлялось возможным. (Это здание является редким примером Британской индустриальной архитектуры стиля Romanesque Art Nouveau. Точнее говоря, эта кирпичная фабрика – самый старый представитель упомянутого стиля в штате Виктория). Было принято оптимальное решение: построить новое здание вокруг старинного.

Зрелище, надо сказать, потрясающее. Огромный торговый комплекс, в центре которого стоит аутентичное строение викторианской эпохи

из красного кирпича, с башней и дымоходом, с окнами и дверьми, а вокруг этой старины – современные магазины и кафе.

Башня оказалась гораздо выше пяти этажей торгового центра, и потому над зданием пришлось поставить исполинский стеклянный треугольный колпак. Эта конусообразная крыша весит 490 тонн и состоит из 294 стеклянных панелей. Чтобы чистить такой гигантский колпак, было специально разработано особенное приспособление, так как навести на нём маршефет традиционными способами просто нереально.

Под самым колпаком висит воздушный шар с двумя «пассажирами» в одеждах тех времён. Там же, под стеклянным конусом, «летает» лайнер.

В этом здании есть ещё одна удивительная достопримечательность – карманные часы размером с этаж, цепочка которых тянется ещё на один этаж вверх. Как только часы показывают ровный час, из циферблата выдвигается нижняя панель, а на ней – золотые человечки играют на дудочках, и по всему зданию разносится красивая мелодия и птичий щебет. Длится это представление пять минут.

Всё это – старая фабрика, окружённая разноцветными витринами; воздушный шар и самолёт, парящие под стеклянным куполом; огромные карманные часы, свисающие с перил; музыка и птичье пенье, перекрывающее гул толпы – было настолько удивительным и занятным

зрелищем, что мы напрочь забыли о первичных причинах посещения этого торгового центра: выпить кофе и прошвырнуться по магазинам.

Вынырнув из Melbourne Central, мы часа на четыре углубились в сады Фитзрой (Fitzroy Gardens), где заглянули в гости к капитану Куку. Чему вы удивляетесь? Я же не сказала, что Кук встретил нас и напоил чаем. Мы просто зашли в его домик, который подарила Мельбурну Англия. Кук останавливался в нём между плаваниями, а теперь эта хижина устроилась в одном из уютных уголков парка Фитзрой и принимает гостей. Садик, который окружал этот домик в Англии, был также восстановлен на новом месте, и там поселился бронзовый Кук.

В культурную программу нашего первого дня в Мельбурне также вошёл просмотр стереокино, демонстрирующегося на самом большом стереоэкране в мире. Ощущение сверхстранное: когда надеваешь стереоочки, единственной воспринимаемой реальностью становится только то, что происходит на экране. И хотя мозг понимает, что летящий тебе в голову предмет – это иллюзия, ты всё равно пытаешься отмахнуться, шлепнув по башке впереди сидящего человека, который относится к этому с пониманием, потому что только что сам хлопнул по голове сидящего перед ним. Я уже не говорю о тщетных попытках втиснуться в кресло, когда тебя проглатывает монстр. Не буду рассказывать о том, что снилось мне той ночью.

День второй

Следующий день был для нас днём небоскребов. Утром мы отправились на Башню Риальто (Rialto Tower), которая в 1999 году входила в двадцатку самых высоких зданий Земли. На самом деле, это два высоченных здания. Северная башня значительно ниже Южной – она насчитывает (всего лишь!) 43 этажа. А вот её Южная «подруга» упирается в облака 63-м этажом.

Посещение здания Риальто появилось в списке наших туристических планов, так как на пятьдесят пятом этаже Южной башни находилась площадка, с которой открывалась чудесная панорама города. Совершить круг почёта по смотровой площадке Риальто было не так-то просто. Нас окружали не только стеклянные стены, но местами и стеклянный пол. Я, мягко говоря, не очень большой любитель высоты. Когда под моими ногами на высоте 234 метров наметился прозрачный пол, меня одолело сильное желание продолжить путь ползком. Стараясь придать своим действиям максимум элегантности, я опустилась на корточки. Ну мало ли! Потеряла что-то. Что там теряют в таких случаях – запонку, серёжку? Не знаю, как это выглядело со стороны, но я тешила себя надеждой, что мои поиски упавшего «чего-то» были вполне убедительными. Совладав с собой и придав лицу равнодушное выражение игрока в покер, я поднялась (как бы найдя пропажу) и, держась за стеклянную стену (будто

невзначай), медленно (словно любясь видами), преодолела несколько метров стеклянного пола.

Забегая снова на много лет вперёд, скажу, что в 2009 году смотровая площадка на башне Риальто перестала быть самым высоким панорамным пунктом в Мельбурне и отдала пальму первенства другой площадке на башне Eureka. Атракция Риальто была закрыта, а в 2011 году там был открыт ресторан. По крайней мере, такую информацию сообщил мне интернет, а правдива она или нет, предлагаю проверить тем, кто по случаю находится недалеко от описываемого мной места.

Мельбурн с высоты смотровой площадки

Вечером того же дня мы, предвкушая изысканный ужин, забрались на один из последних этажей гостиницы Коллинз Плэйс (Collins Place). Не

знаю, какие метаморфозы произошли с этим местом за 20 лет, но тогда там находился ресторан, в котором можно было отведать итальянские блюда, сидя у стеклянной стены и глядя на Мельбурн с высоты птичьего полёта. А самой интересной особенностью этого ресторана был... туалет. И в женской, и в мужской уборной одна стена была полностью – от пола и до потолка – прозрачной. Можете себе представить, какую необычную атмосферу это создает в столь нехарактерном для подобных явлений месте. В женской туалетной комнате можно было просто постоять возле гигантского окна, а вот для мужчин обеспечили более сильные ощущения: стеклянной стеной в мужском туалете (по рассказам моего мужа) являлась именно та, возле которой были расположены, извините, писсуары, так что можно было, как вы сами понимаете, на весь этот Мельбурн...

День третий

На третий день мы временно попрощались с Мельбурном и уехали на остров Филипп (Phillip Island). Островок этот относительно небольшой, но для того, чтобы близко с ним познакомиться, дня оказалось абсолютно недостаточно.

Первый же пункт – Центр Сохранения Коал – нас просто очаровал. До этого момента мы уже успели посетить несколько парков с представителями австралийской фауны. Но особенность этого природного заповедника заключалась в том,

но последующее вечернее знакомство превзошло все наши ожидания.

Это было незабываемое шоу под названием «Парад пингвинов».

На острове Филипп живёт самая большая в Австралии колония маленьких пингвинчиков. Целый день они проводят в воде, охотясь на рыбку, а после «рабочего дня» возвращаются домой в свои норки на прибрежных скалах. Утром морские охотники уходят «на работу» маленькими группами. Когда же день близится к концу, пингвинчики собираются большими отрядами в море недалеко от суши, чтобы всем вместе вернуться домой. Это групповое возвращение «рыболовов» является главным гвоздём вечерней программы острова. На берегу установлены деревянные площадки. Там, ещё до наступления темноты, собираются зрители и ждут, когда из воды покажутся белые брюшки пингвинчиков.

Удивительно наблюдать, как эти птички придерживаются строго установленного порядка. Сначала на берег выходит вожак и проверяет, всё ли спокойно. Только потом из воды выходит весь отряд. Если кто-то отстаёт, то получает крепкий пинок в затылок от сурового «командира». Переваливаясь с лапки на лапку, пингвинчики пересекают пляж и доходят до подножия скал. Здесь они останавливаются, чистят пёрышки, а вожак тем временем проверяет все ли на месте. Когда процедура пересчёта закончена, пингвины разбегаются по склонам в свои норки.

Но не все из них спешат домой. Мы заметили, что некоторые парочки уединяются. И чем больше партий выходит из воды, тем больше воркующих пар прячутся на скалах. Экскурсовод рассказал нам, что пингвины, подобно людям, иногда придерживаются «семейного» постоянства в течение всей жизни, а иногда меняют своих «супругов». Когда приходит время «пингвиньих свадеб», мужские особи строят новые норки или ремонтируют старые, ну, а «дамы» выбирают того, кто построил самый лучший, на их вкус, домик. (По-моему, очень мудро.) Откладывают они всего по два яйца в сезон, и высиживают их оба родителя по очереди, давая возможность друг другу поесть. (Нам есть чему у них поучиться!)

Трудно было оторваться от этого зрелища. Вся наша группа уже была в сборе, когда экскурсовод выловил нас из толпы туристов, застывших возле пингвиньих скал, и почти за шкирку затащил в минибус, который примерно через два часа «нырнул» в абсолютно другую, далекую от природы жизнь, – ночной, сверкающий огнями Мельбурн.

Знакомиться с ночным Мельбурном лучше всего на улице Southbank Promenade. Это левый берег реки Ярра (Yarra River). Весь шик ночной жизни города сконцентрирован именно здесь. Эта улица и днём привлекает к себе сотни желающих хорошо провести время. На ней расположилось большое количество кафе, ресторанов, художественных галерей и магазинов.

Над Променадом гоняют чайки, по реке бегают экскурсионные трамвайчики. Вечером эта картина полностью меняется: набережная вспыхивает разноцветными огнями, отражающимися в тёмной воде Ярры.

Эпицентром роскоши ночного города является развлекательный комплекс «Корона». Он занимает очень большую часть Променада. Когда попадаешь в центральный зал «Короны», то на какое-то время забываешь даже родной язык, я уже не говорю об английском. В зал спускается лестница из чёрного мрамора, по обеим сторонам которой, по большим мраморным ступеням бегут водопады, подсвеченные лампами.

А в зале происходит нечто непередаваемое – шоу музыки, света и воды. Звучат классические произведения, а на круглых плоских мраморных пьедесталах со множеством отверстий танцует... вода. Крупные капли и струи выпрыгивают из одних отверстий и запрыгивают в другие в такт музыке.

Потолок этой мраморной анфилады состоит из хрустальных сосуллек. Раз в какое-то определённое время их центральная часть выдвигается вниз, превращаясь в огромную люстру.

Под музыку танцует не только вода, но и свет. Причудливые рисунки и световые пятна всех цветов радуги скользят по полу, по воде, по стенам, по люстре и потолку. А ты стоишь посередине всего этого великолепия и ощущаешь себя бо-

гатой и знаменитой, празддно проводящей время в роскошном дворце. Кажется, что эта лестница находится здесь специально для того, чтобы по ней прошла именно ты, сияя драгоценностями на шее и запястьях. И что всё вокруг: бегущие и танцующие фонтаны, игра света и музыки, чёрный мрамор и сверкающий хрусталь – всё это здесь исключительно для того, чтобы радовать твой слух и твоё зрение. Но сказочная иллюзия пропадает, как только из мраморного зала ты заходишь в казино. Нет, в помещении казино ничуть не меньше роскоши, просто звон чужих монет напоминает тебе об их отсутствии в твоих карманах.

Мы подарили прожорливым игральным автоматам несущественное количество долларов и поспешили выбраться на свободу, пока нас не опутали сетями алчность и азарт.

На улице нас ждал ещё один сюрприз. Вдоль центра «Корона» скромно стоят высокие плоские столбы, по которым днём тихо струится вода. Но под покровом ночи столбы-трансформеры сбрасывают с себя маску скромности, превращаясь в «огненных демонов». Ровно в десять часов вечера из их верхушек в небо вырываются языки пламени, отражаясь в реке и наполняя Променад запахом гари и шумом огня. Продолжается это «дьявольское» шоу каждый вечер не больше десяти минут, но впечатление остаётся навсегда.

День четвёртый

Мы так много запланировали на этот день, что, в конце концов, решили всё это отменить и просто без спешки побродить по городу. Правда, на прощание взяли ещё одну экскурсию, – прокатились на маленьком парходике по Ярре.

Жалко было уезжать из Мельбурна. Мы даже решили, что если когда-нибудь захотели бы обосноваться на австралийском материке навсегда, то непременно поселились бы именно в этом городе. Хоть Аделаида и стала нам почти родной, нужно признать, что Мельбурн даёт гораздо больше возможностей найти работу, друзей, знакомых и разнообразно проводить свободное время. Но, соответственно, и жизнь здесь менее спокойная и расслабленная, чем в Аделаиде.

Когда вечер затушеввал берега Ярры, мы, не прощаясь и надеясь на новую встречу, покинули

улицы Мельбурна, вернулись в гостиницу, взяли вещи и отправились на автовокзал. Через ночь автобус вернул нас домой.

Мельбурн. Вдоль берега Ярры

По возвращении, как и положено, я распаковала чемоданы, поставила стирку, разложила вещи по местам. И не было ни малейшего намёка на то, что на следующий день наши, потрепавшиеся от мельбурнского путешествия чемоданы, снова будут спешно заполняться, чтобы следовать за нами в абсолютно другой мир – на остров Кенгуру.

Письмо девятое Неотправленное В ЖАНРЕ ТРИллЕРА

Хорошо всё-таки, что это письмо так и осталось неотправленным. Даже сейчас, по прошествии 20 лет его содержание может легко напомнить моим родителям о том, где у них хранится пузырёк с валерьянкой. Какова была бы их реакция, если бы они прочитали об этих событиях тогда... Страшно подумать...

В предыдущих главах я уже поведала о нескольких происшествиях в стиле «экшен», но инциденты, о которых собираюсь рассказать сейчас, были особенно щедры на выработку адреналина в моём организме. Брррррррррр...

Первые путешествия по Австралии мы совершали на общественном транспорте – автобусах и маршрутках. Ближе к концу года для последующих туристических «экспедиций» мы арендовали машину. Мой супруг был водителем с боль-

шим стажем. До нашего отбытия на континент «under down» он уже много лет «бороздил просторы» непростых израильских дорог, и потому австралийские шоссе не пугали нас даже своим левосторонним движением. «Подумаешь! – размышляли мы самонадеянно, – право, лево, какая разница!» Я, умея водить из всех транспортных средств только велосипед и то зигзагом, вообще не понимала тревожности ситуации. Мне было абсолютно всё равно, с какой стороны дремать в дороге – справа или слева.

Получив в распоряжение автомобиль, мы уселись в него без каких-либо опасений, и муж с уверенностью заправского водителя взялся за руль. Первые минуты продвижения по пустой (на наше счастье) дороге шли по принципу космонавтики: пять минут – полёт нормальный. Но «привычка – вторая натура», – сказал когда-то Цицерон и был прав. Как только в пределах видимости у нас появились «соседи» по трассе, закралось лёгкое подозрение, что что-то идёт не так. Ещё через секунду, когда после поворота перед нашим лобовым стеклом возник мчащийся на нас автобус, это подозрение вытеснило все остальные мысли из нашего сознания.

Позволю себе снова обратиться к архивам старых анекдотов.

Муж звонит жене по мобильному телефону:

— Алё, дорогая, будь осторожной. Только что по новостям передали, что на главном шоссе один дебил едет по встречной полосе!

— Один?! Да тут все такие дебилы!

Как вы понимаете, свернуть мы всё-таки успели. Иначе в данный момент этот рассказ вряд ли прорисовывался бы на компьютерном экране под стук моих пальцев по клавиатуре.

После несостоявшегося (Аллилуйя!) «близкого знакомства» с массивным транспортным средством, мы, съехав с дороги, ещё долго приходили в себя. Я стучала зубами, супруг активно переосмысливал свои водительские привычки. А шофёр злополучного автобуса был, видимо, так шокирован наглостью «дебилов из анекдота», что даже забыл остановиться и послать нас туда, куда в таких случаях полагается посылать. Учитывая законопослушность и такт австралийских водителей, могу предположить, что с ним не происходило ничего подобного ни до, ни после данного инцидента.

Вероятно, он до сих пор рассказывает своим друзьям упомянутый выше анекдот как иллюстрацию одного из своих дорожных приключений. И я не удивилась бы узнав, что при этом ему приходится скрывать пробегающую лёгкую дрожь.

Идём дальше.

Лично меня ожидало ещё одно чуть не случившееся «сближение», на этот раз не с четырёхколёсным «недругом», а с восьминогим. Помните фотографию навестившего нас южноавстралийского паука Охотника? Вот с ним, вернее, с одним

из его «родственников» я практически чуть не «поздоровалась за руку», или что у него там вместо рук?

Для меня до сих пор остаётся загадкой, с какой лёгкостью я отправлялась в пешие прогулки по австралийским туристическим тропам, которые то углублялись в густые леса, то поднимались по крутым склонам гор, то терялись среди высоких трав. Конечно, природа Австралии невероятно красива, и общение с ней – это, пожалуй, одно из самых ярких времяпровождений на австралийском континенте. Но, учитывая ступор, в который я впадала всякий раз, когда какой-то представитель насекомых и паукообразных «заглядывал к нам на огонёк», я просто не могу понять, как мне удавалось абсолютно добровольно заходить на законную территорию этих членистоногих. Я практически лезла на рожон. Такое ощущение, что некие волшебные силы (или же приступы глупости) временно блокировали в моём сознании пестующие его фобии. О чём я теперь, конечно, не жалею. Если бы не эта загадочная «анестезия» страхов, сколько потрясающих красот осталось бы вне поля моего зрения, вне архивов моей памяти.

Одно из наших автопутешествий по пути из Мельбурна в Сидней (когда все окружающие машины уже перестали ездить в неправильном направлении) привело нас в очень красивый природный заповедник. Там мы с лёгкостью

поддались на уговоры туристической вывески забраться по живописному склону на самую вершину горы Дженоа (Genoa Peak). Подъём был нелёгким, крутым, местами опасным, но добравшись до небольшой площадки на «макушке» горы, мы поняли, что игра стоила свеч.

Казалось, весь континент раскинул перед нашими взорами свои зелёные равнины. Это было восхитительно – просто не насмотреться на бескрайние просторы, не надышаться чистым горным воздухом, не наслушаться особенной тишины! Возвращаться было немного легче. На одном из сложных участков мой муж спустился первым и, приготовившись словить меня (если что), принял позу волка из первой советской электронной игры. (Помните, на маленьком чёрно-белом экранчике волк с корзинкой в руках самозабвенно ловил падающие куриные яйца). Через несколько секунд я увидела, что лицо мужа вытянулось, и он заметно побледнел, хотя с моей стороны не было никаких намёков на то, что ему всё-таки придётся прибегнуть к навыкам игрового волка. Я твёрдо держалась на ногах и спокойно одолевала спуск, положив руку на выступающий камень.

— Что случилось? — спросила я, приостановившись.

— Ничего, — неубедительно ответил супруг.

У меня на секунду промелькнула догадка, но человеческий мозг часто угодливо прикрывает

тёмным лоскутом то, что мы не желаем осознать, и поэтому моё подозрение быстро испарилось.

Здесь вновь проступает сюжет одного из старых анекдотов (без них никак!).

Муж, вернувшийся под утро домой пьяный и весь в женской помаде, после того, как у него иссякли все объяснения, обращается к жене: «Дорогая, ну ты же такая умная! Придумай что-нибудь сама!»

И я придумала!

— Там ящерица? — спросила я с надеждой.

Прекрасно зная, что ящерицы вызывают у меня лишь пятую долю неприязни, отмеренной паукам, супруг с радостью уцепился за эту версию и сказал:

— Да, да! Спускайся!

Преодолев сложный спуск и очутившись на ровной почве, я глянула вверх. Под камнем, на котором пару минут назад лежала моя рука, распластавшись во всю длину своих «километровых» лап, сидело огромное восьминое чудовище – южноавстралийский паук Охотник собственной персоной. Опустив руку на два градуса левее, правее или (не дай Бог!) немного ниже, я бы прижала к скале этого монстра своей ладонью. (Мамочки!) Предполагаю, что этот тактильный контакт был бы шоком и для меня, и для паука, но кто из нас двоих скатился бы при этом с горы, я думаю, сомнений не оставляет. Когда я

оказалась на ровной земле рядом с мужем, холодный пот со лба вытерли мы оба.

И ещё один незабываемый случай.

В тот год мы питались в основном в кафе и ресторанах. Но и наша домашняя плита с духовкой тоже не скучала. Мы провели в её компании немало времени, стряпая что-нибудь незатейливое на завтрак или ужин. Полки австралийских супермаркетов предлагали огромный выбор как свежих продуктов, так и полуфабрикатов. Вторым вариантом мы «грешили» редко и в основном старались готовить полноценные блюда. Но порой, когда абсолютно не было времени или желания по уши погружаться в домашние хлопоты, нас выручал быстрый способ готовки.

В один из таких вечеров на повестке дня была очередная курсовая работа мужа (а я ему помогала), поэтому мы решили приготовить что-нибудь на скорую руку. Достали из морозильника порцию быстрого приготовления, вытащили её из внешней картонной упаковки и прямо в специальной формочке засунули в разогретую духовку. Никто из нас двоих, голодных и спешащих вернуться к рабочему столу, не обратил внимания на яркую и достаточно крупную надпись на картоне, призывающую потребителя не забыть снять верхнюю плёнку с упаковки. Это наставление мы увидели гораздо позже, когда, оттирая кухню от толстого слоя пепла и пытаясь понять причину произошедшего, снова потянулись к от-

ложенной в сторону картонной коробке. А пока, предвкушая скорый обед и повернувшись спиной к духовке, мы принялись готовить салат.

Я не помню, что именно заставило нас одновременно повернуться – может, запах гари, а может, характерный для огня звук, но, обернувшись, мы застыли. Это был не просто дым слегка подгоревшей еды. За стеклом духового шкафа полыхало настоящее яркое-оранжевое пламя.

Я также не помню, кто из нас первым вышел из ступора и плеснул в духовку ковш воды. И дело совсем не в двадцати годах, пробежавших с тех пор. Некоторые подробности случившегося я не могла вспомнить и на следующий день. Шоковое состояние часто стирает с «жёсткого диска» нашей памяти «папки» с деталями и тонкостями. Помню только, как в момент открытия духовки из неё вырвалось облако пепла и легло толстым чёрным слоем на всё вокруг, включая нас. Последний день Помпеи – ни дать, ни взять!

Какая там курсовая работа – полдня мы оттирали эту липкую чёрную гадость с кухонных поверхностей. Но, несмотря на наши попытки, стереть все следы «катастрофы» не удалось. На следующий день наш друг Джексон (они с женой зашли к нам вечером), проведя рукой по кухонной полке и приблизив к нашим глазам чёрные пальцы, устремил на нас взгляд, полный вопрошительных знаков. Сколько же мы вместе хохотали над этим «пламенным» приключением!

Вырвавшийся из духовки пепел оказался невероятно въедливым. Островки тёмных налётов, несмотря на регулярные уборки, мы находили в абсолютно неожиданных местах (включая спальню и душевую!) до самого конца нашего проживания в той квартире и, соответственно, в Австралии.

Что и говорить, этот год был полон приключений.

Вспоминается ещё одно почти произошедшее столкновение, на этот раз с гигантской рептилией. Мы ехали по острову Кенгуру. Дорога была свободна, и поэтому скорость нашего передвижения была относительно высокой. «Проблема» ожидала нас сразу после поворота: поперёк дорожной полосы, заняв её полностью от края и до края, сидела огромная игуана. Длиннющий хвост, широкий «воротник»: всё как на картинке в энциклопедии животных. Затормозить мы бы точно не успели. Слишком близко. Слишком внезапно. От столкновения нас спасло только то, что противоположная полоса была свободна, и муж резко вырулил на неё, обогнув даже не пошевелившуюся, словно каменную, страшилую.

А как не вспомнить маленькую «версию» упомянутой выше громадины – ящерицу, которая неизвестно как оказалась у нас дома и неизвестно зачем прыгнула мне, только что проснувшейся, прямо на ногу. Я, предположив спросонья, что это может быть паук, взвизгнула и подпры-

гнула на высоту, которую сама от себя не ожидала. Ящерица, взлетев на моей ноге, а потом шлёпнувшись на пол, в ужасе разделилась на две части – на хвост и всё остальное. Причём, «всё остальное» тут же убежало и скрылось в неизвестном направлении, а хвост ещё какое-то время дёргался передо мной на полу. Я смотрела на него, кажется, не моргая и сильно сожалея о том, что у меня, в отличие от непростительной «гостьи», не было хвоста, который в тот момент я также могла бы отбросить. Судя по тому, что ящерица вышла из ступора гораздо раньше меня, ей этот приёмчик помог.

Да-а-а-а-а... Будоражащие воспоминания!

Письмо десятое

МЕЖСЕМЕСТРОВЫЕ КАНИКУЛЫ

ЧАСТЬ 2

Позирующий тюлень,
оазис наоборот
и доисторическая темнота

На другой день после возвращения из Мельбурна мы, уже разложив все вещи и вернув чемоданы на антресоль, пошли на встречу с нашими друзьями – Джексоном и Бун Си. О том, что они собираются ехать на остров Кенгуру, мы знали ещё до начала этих каникул. И теперь, сидя вместе в кафе, мы рассказывали им о нашем путешествии в Мельбурн, они же описывали нам свой предстоящий маршрут. Ребята похвастались, что на острове Кенгуру они арендовали большую машину и целый дом на четыре дня и пять ночей. Мы всё ещё спокойно допивали чай, как

вдруг наш Джек-подстрекатель сказал: «Если бы мы поехали вместе, то было бы гораздо интереснее и дешевле на четверых». Кто-то из нас пошутил: «Ну, тогда решено – едем вместе». А когда я посмотрела на мужа, то увидела в его глазах: «А почему бы и нет? Статьи и учебники никуда не денутся, – подождут!»

Через несколько минут мы уже неслись галопом в туристический офис предупредить турагентов, что нас будет четверо. Потом – в кассу – докупать ещё два билета на автобус и паром. Ещё чуть позже я побежала домой снова упаковывать уставшие от нас чемоданы, а муж – в магазин купить продукты в дорогу. На следующее утро такси опять несло нас на центральную автобусную станцию, работники которой, вновь увидев наши заспанные физиономии, вполне могли заподозрить у себя дежавю.

Остров Кенгуру. Наверное, это самое удивительное место из всех, где нам удалось побывать до сих пор. Теперь, по прошествии более 20-ти лет, могу добавить, что период «до сих пор» всё ещё длится. За эти годы мы посетили много разных уголков земли, но ни один из них не смог перекрыть впечатлений, которыми наполнил нас тогда маленький осколок австралийского континента под названием «Остров Кенгуру». Хотя, честно говоря, маленьким этот остров назвать сложно. Он намного больше, чем крохотный островок Филипп, который можно было обойти

пешком, не успев даже устать. Остров Кенгуру не объедешь за один день и на машине. Цивилизации здесь не очень много. Приживаются на этом острове только те, кто может обходиться без шумной, суетливой жизни больших городов, кто способен посвятить себя природе, сделав её своим домом и предметом своих забот. В результате население здесь относительно малочисленное.

Можете себе представить: на этом острове нет ни театров, ни кинотеатров (по крайней мере, 20 лет назад не было), поэтому единственными развлечениями кенгуротян являются рыбалка и спорт. Они также очень любят выпить пивка в

баре одного из двух городков-деревень острова. При таком «обилии» развлечений местные жители ухитряются быть абсолютно довольными своей жизнью.

Есть несколько способов добраться до «Кенгуру» с континента. Можно, например, полететь на маленьком самолёте. Но мы выбрали другой вариант. От центральной автобусной станции Аделаиды мы отправились в путь в шесть часов утра, и через два часа очень красивой дороги автобус привёз нас на мыс Джервис (Cape Jervis). Там мы поднялись на борт симпатичного кораблика-парома и примерно через час пришвартовались к острову. В порту «Кенгуру» нас уже ждала заранее заказанная машина, и мы отправились посмотреть на домик, в котором нам предстояло провести четыре дня.

День первый

Оказалось, что арендованный нами коттедж находился в самом романтическом месте, которое только можно себе представить: на берегу тихого залива под названием Страусиный (Emu Bay). Окно и веранда салона выходили на берег, так что каждый вечер нам казалось, что солнце садится прямо за нашими окнами.

Первая встреча с природой острова произошла у нас в Заливе Стай (Bay of Shoals). Если вы найдёте этот залив на карте, то увидите, что берег его очень закруглён. В результате, когда стоишь у обрыва примерно посередине изогнутой береговой линии, то видишь одновременно две закраины побережья, и тогда кажется, что оно обнимает прибегающие к нему волны. А ветер дует прямо в лицо, словно пытается отодвинуть тебя подальше от края, переживая, что ты можешь упасть. За четыре дня пребывания на Кенгуру мы не раз любовались островной стихией, но это самое первое знакомство с ней заставило нас затаить дыхание.

Чтобы добраться до нашего следующего пункта, залива Тюленей (Seal Bay, на карте – рядом с Vivonne Bay), пришлось пересечь остров поперёк. Мы попали на обыкновенный пляж, только на песке вместо загорающих курортников растянулись увесистые тюлени. Было очень странно гулять между развалившихся на песке существ, которые обращали гораздо меньше внимания на нас, чем мы на них. От экскурсовода мы узнали,

что взрослые особи уплывают в море на охоту на три – четыре дня. Возвращаются они такие сытые и уставшие, что тут же засыпают. А когда эти морские охотники спят, на их мордах застывает столь блаженное выражение, что хочется моментально всё бросить, растянуться рядом с ними на песочке и вздремнуть часок-другой.

Здесь с нами произошёл один забавный случай.

Среди мирно отдыхающих после охоты взрослых резвился один маленький тюленёнок. Он, конечно, ни на какую охоту не ходил – родители принесли ему рыбку на берег, а потому, не чувствуя усталости, малыш пытался найти себе партнёра для игр, безрезультатно тыкаясь мордой в лениво отмахивающихся от него взрослых тюленей.

Вдруг он заметил моего мужа, который, планируя очередной фотокадр, плюхнулся прямо на песок. Тюленёнок, явно приняв фотографа за своего, на всех парах припустил в нашу сторону. Мы застыли, наш экскурсовод обомлела и молча наблюдала за происходящим.

Подойдя совсем близко, малыш понял, что здесь что-то не так и уже собрался обиженно повернуть обратно, как вдруг заметил направленную на него фотокамеру. Может, туристы давно уже приучили его к чёрному объективу, или он просто был рад тому, что привлёк всеобщее внимание (хоть какая-то игра), но позировал он нам просто профессионально: то брюшко покажет, то спинку выгнет, то одним бочком повернётся, то другим.

Мы умирали со смеху. Муж отщёлкал на него целую плёнку тогда ещё нецифрового фотоаппарата. Насладившись лаврами фотомодели, тюленёнок ускакал к своим, выбирать уютное местечко на ночь, а мы поспешили в наш домик, чтобы успеть вернуться до наступления темноты.

Стараться приехать домой дотемна нас заставляло одно очень обоснованное опасение: на острове, как можно легко догадаться по его названию, обитает множество кенгуру разных видов и мастей. Когда эти хвостатые создания собираются перейти дорогу, они почему-то не смотрят по сторонам, а просто выпрыгивают на дорожную полосу прямо перед носом водителя. Причём, свет фар приближающейся машины не отпугивает кенгуриных «пешеходов», а парализует, и они застывают, как вкопанные, прямо перед несущейся на них машиной. Днём всё не так страшно. Во-первых, кенгуру менее активны. Во-вторых, фары машин не включены. И, в-третьих, можно увидеть выбегающих на шоссе животных издали и вовремя затормозить. В тёмное же время суток всё намного опаснее и для кенгуру, и для водителей. Вот почему мы вставали очень рано и старались возвращаться домой до заката солнца.

День второй

Второй день нашего пребывания на острове был очень разнообразным. Каждый раз мы попадали в абсолютно другую стихию, словно пе-

релетали с планеты на планету: жёлтые песочные дюны, тёмный и влажный подземный мир сталактитов и сталагмитов, волны, бушующие у подножья скал, нирвана тихих зелёных просторов.

Наш «межпланетный» путь проходил вдоль южного побережья острова, и первой остановкой была мини-пустыня «Маленькая Сахара» (Little Sahara). Это что-то вроде оазиса наоборот: среди зелёных просторов – уголок сплошного песка. И хоть до настоящей Сахары этой пустыньке очень далеко, в ней есть участки, откуда совсем не видны зелёные берега этого песочного «моря», а некоторые дюны поднимаются на достаточно внушительную высоту. Когда стоишь внизу и видишь только жёлтые бока возвышающихся вокруг тебя насыпей или взбираешься по их скользким под ногами склонам, впечатление бескрайности пустыни настолько сильно, что неосознанно начинаешь испытывать жажду.

Покинув песчаные барханы, мы углубились в сырое подземелье – в пещеру Келли (Kelly Hill Caves). Темнота и влага, причудливые формы известняковых сосулук, звук падающих тяжёлых капель – всё это было естественно, однако холодок страха всё равно пробегал по коже, когда мы спускались всё ниже и ниже по мокрым ступенькам. Лучи прожекторов вылавливали из темноты великолепные замки, невиданных чудовищ, фигурки, похожие на животных и гномиков.

Некоторым особенно интересным известняковым произведениям посетители пещеры дали очень романтические названия. Например, в пещере живут «Ромео» и «Джульетта»: сталактит и сталагмит росли прямо навстречу друг другу, и когда им оставалось всего несколько миллиметров, чтобы соединиться, произошло землетрясение. В результате один из них сдвинулся немного в сторону, навсегда исключив возможность соединения. («Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»).

Самым удивительным «экспонатом» этого подземного музея было небольшое озеро. В его тёмной воде отражались сталагмиты, растущие на потолке и, заглянув в этот пещерный водоём, даже неисправимые скептики наверняка поверили бы в сказки о подводных царствах. А так как я – скептик, но легко исправимый, созерцание удивительных строений в тёмной озёрной глубине породило в моей голове множество вариантов того, кто мог бы там обитать.

Рассказ экскурсовода о том, как первая экспедиция заблудилась в извилистых коридорах и залах этой пещеры, заставил нас содрогнуться. Закончилось всё благополучно: эти люди нашли выход. Но страшно было даже представить себе, что они пережили, бродя по подземелью в крошечной тьме, экономя кончающиеся свечи и не зная, выберутся ли когда-нибудь на поверхность. Думаю, тогда эта пещера казалась им менее го-

степриимной, чем нам сейчас. Даже ведомые экскурсоводом по слегка освещённым проходам мы боязливо оглядывались по сторонам, ища глазами выход и пригибали плечи, словно ощущали тяжесть скалистого грунта, возвышающегося над нами. Мы осторожно ступали по скользкому от влаги каменному полу, легко притрагивались к причудливым скульптурам, боясь потревожить этот древний мир, который казался нам слишком хрупким, каждую минуту грозящим обрушиться на нас.

Когда мы спустились, было такое чувство, словно мы сходим вниз по лестнице времени, по ступеням всех этих бесконечно долгих лет, пролетевших над землёй, пока формировались по капелькам известняковые колонны. Было даже немного странно обнаружить, выбравшись из пещеры, что за время нашего подземного путешествия наверху ничего не изменилось.

После песков Маленькой Сахары и сырости подземелья Келли мы ощущали острую необходимость в живой зелёной природе.

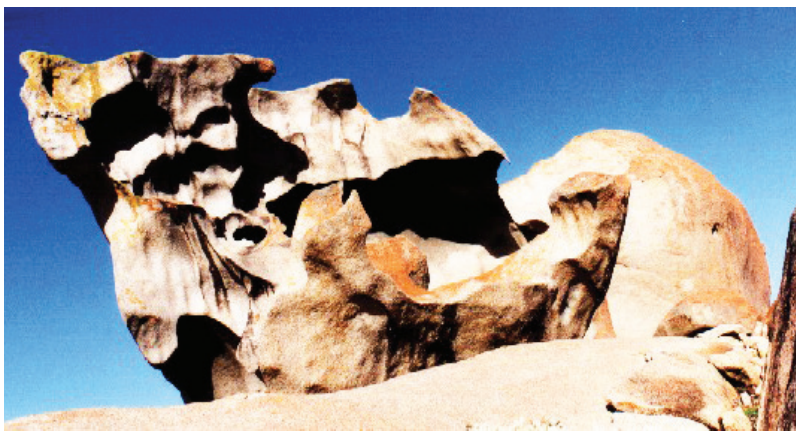
Если вы посмотрите на карту острова Кенгуру, то увидите, что огромная территория его западной части занята заповедником Флиндерс (Flinders Chase National Park).

Этот парк оказался слишком велик для того, чтобы полностью осмотреть его за пару часов. До заката солнца мы успели обойти, вернее, объехать, только его южную часть, кульминационным местом которой явились Замечательные Камни (Remarkable Rocks) – исключительный шедевр ветра и воды.

Я уже рассказывала об удивительных каменных формированиях австралийского континента в одном из предыдущих писем. Мы не раз видели до этого Замечательные Камни острова на картинках, но, приблизившись к ним, поняли, что ни одна фотография не способна передать их неземного великолепия.

Эти огромные каменные осколки лежат в конце мыса, который уходит в море на 75 метров. Когда мы бродили между беспорядочно разбросанными гигантскими обломками непостижимой формы, меньше всего верили в то, что находились на Земле. Лично меня не покидало ощущение, что нас затянула в себя одна из картин Дали, и теперь мы исследовали глубины этого нарисованного странного пейзажа.

Нам повезло, что мы попали сюда австралийской зимой. В тёплые летние дни между замысловатыми камнями наверняка бродят толпы туристов, наполняя атмосферу громкими голосами и вспышками многочисленных фотокамер. Мы же были на свидании с этим чудом природы наедине. Кроме нас четверых не было НИКОГО, пространство между каменными исполинами продувал сильный ветер, и о высокий скалистый берег разбивались мощные волны. Всё это неизбежно погружало нас в ощущение нереальности, и думать о том, как мы будем выбираться обратно в привычный мир за пределами этой «картины Дали» абсолютно не хотелось.

Попрощавшись с Замечательными (в прямом и топонимическом смысле) Камнями, мы отправились на мыс Du Couedic. Один из его утёсов украшает природная арка – Admirals Arch. Она на-

ходится на внутренней стороне скалы, и раньше туристы вряд ли могли ею любоваться. Теперь вокруг горного склона, прямо над бушующими водами построили деревянные мостики, по которым можно, обойдя утёс по кругу, подойти к самой арке и к волнам, грузно разбивающимся о берег. Пологие камни у арочного отверстия облюбовали для себя новозеландские морские львы и часто там отдыхают большой колонией после морской охоты, но нам их увидеть не довелось (пришлось поверить туристическим брошюрам на слово).

«Голос» прибора всегда выстраивает что-то вроде заслона между внешним миром и внутренним, и в результате – лучше слышишь саму себя: чем громче шум прибрежных вод, тем отчётливее звучат собственные мысли. Мы стояли на деревянных подмостках молча, восхищаясь силой и мощностью воды. А когда снова углубились в зелень парков, отдаляясь от грохота ударяющихся об утёс волн, мне показалось, что стало слишком тихо.

День третий

Первоначально этот день был посвящён знакомству с северным побережьем.

Поутру мы поехали в залив Стокс (Stokes Bay). Представьте себе горсть камешков, брошенных на песок. Теперь представьте себе, что эти камешки гигантского размера. Именно так выгля-

дит берег этого залива. Огромные камни, навалившись друг на друга, образовали пещерный туннель, пройдя через который, попадаешь на узкую полоску песка, окружённую утесами. Мы облазили все ходы и выходы длинной пещеры и дикий пляж побережья.

К сожалению, все остальные запланированные на этот день пункты нас не дождались. Погода, вспомнив, что сейчас всё-таки зимнее время, выпустила на нас потоки воды и града. Если бы это было возможно, мы бы не просто поехали на машине домой, а помчались бы на ней вприпрыжку. Дрожа от холода и страха (град был величиной с лесной орех), мы мечтали только о горячем чае, горячем душе, тёплом пледе и обогревателе рядом с телевизором. Всё это, как мы наивно предполагали, ждало нас дома, и мы неслись туда на всех парусах.

Через минуту после прибытия в наш коттедж мы были поставлены перед страшным фактом: на всём заливе вырубило электричество, а это значит, – нет света, нет чая, нет обогревателя, нет телевизора, и нет никакой воды – ни горячей, ни холодной. (Водное обеспечение нашего жилища осуществлялось только с помощью насоса, который перекачивал воду в дом из дождевых баков. А насос, как вы сами понимаете, без электричества не фурычит).

Если, гуляя по пустынным обрывам острова, мы иногда чувствовали себя его первооткрыва-

телями, то сейчас мы словно перенеслись в еще более отдалённый временной отрезок – в доисторический период. Вам, конечно, не нужно объяснять, что когда поздним вечером нет электричества в городе – это совсем не то же самое, что отсутствие света на относительно малообитаемом острове. В урбанизированном месте освещение всегда откуда-нибудь да проникает. Оно просачивается в тёмную комнату через окна, втекает в обесточенный переулок из соседней улицы. А вокруг нас была просто кромешная тьма, и о том, что впереди простирался залив, можно было только догадываться, так как кроме чёрной бездны, не было видно НИЧЕГО.

Около часа мы сидели со свечами в руках и ждали у моря погоды (в прямом и переносном смысле). Потом наше терпение кончилось, мы снова забрались в машину и отправились в Кингскот – столицу острова Кенгуру. Там, к нашей огромной радости, свет был, и в фойе единственной в городке гостиницы было очень людно. Вечер был «спасён» ужином в ресторане, игрой на автоматах и знакомством с местными пингвинами на каменистом побережье городка. Мы провели в Кингскоте несколько часов и, уставшие, отправились домой.

Залив Страуса встретил нас освещёнными окнами, подав сигнал ещё издали, что электричество вернулось. Остаток дня мы провели, наслаждаясь благами цивилизации: принимали

горячий душ, смотрели телевизор, грелись у обогревателя и пили чай. (О да!)

День четвёртый

Итак, у нас оставался ещё один день, в конце которого мы должны были вернуться на большую землю. Этот день мы решили посвятить фермам. Очень занятное времяпровождение, надо сказать. Каждое фермерское хозяйство предлагает не только посмотреть, как готовится определённый продукт, но и полакомиться им. Из огромного разнообразия частных хозяйств этого острова мы успели посетить три: эвкалиптово-страусиное, медовое и овечье. Соответственно наш утренний рацион и покупки состояли из эвкалиптового масла, разнообразных сортов мёда и молочных деликатесов. А работники ферм посвятили нас в таинства процессов «вкусного» производства: мы наблюдали, как выжимают масло из эвкалиптовых листьев, как собирают и обрабатывают мёд, как выращивают и доят овец и производят из их молока йогурты и сыры.

После посещения ферм у нас оставалось некоторое время до отплытия кораблика. Возвращаться в домик необходимости не было: вещи мы забросили в машину с самого утра. Кстати, ещё одна интересная подробность, характеризующая австралийцев. Когда мы уезжали из коттеджа, никто не пришёл проверить, в каком

состоянии мы его оставляем: не украли ли чего, не поломали ли что-нибудь. Так как за всё было заплачено кредитной карточкой, хозяин виллы по телефону попросил нас оставить ключи в определённом месте и пожелал нам удачи. И всё! Когда к тебе относятся с таким доверием, совесть (даже если она в очень запущенном состоянии) просто не позволит поступить по-свински.

Итак, у нас оставалось несколько часов. Мы снова поехали в Кингскот, чтобы увидеть столицу острова в светлое время суток. Городок этот оказался оживлённым и гостеприимным. Ночной Кингскот познакомил нас с островными пингвинчиками, а дневной – приготовил для нас другой сюрприз: кормление пеликанов.

Местные жители рассказали нам, что ровно в пять вечера один человек много лет подряд приносит к берегу ведро с рыбой, и ровно в пять туда же приплывают пеликаны. По каким циферблатам они определяют время – просто загадка, но каждый день в урочный час возле привычного места собирается множество больших бело-чёрных птиц.

И действительно, ровно в 17.00 к побережью Кингскота важно подплыли большеклювые пернатые создания и нетерпеливо ожидали раздачи «пайка». А когда подошёл рыбак с большущим ведром и стал бросать в пеликанью «толпу» по рыбки, они хлопали крыльями и смешно выхватывали друг у друга добычу. Наевшись вдоволь,

крылатые «громадины» уютно устроились на прибрежных камнях и ещё долго сидели, начищая перышки и, видимо, обсуждая предложенный им в этот день ужин.

Интересно, сохранилась ли эта традиция до сих пор...

Вскоре мы поднялись на борт маленького кораблика и ещё долго смотрели, как отдаляется от нас побережье удивительного острова Кенгуру. Я думала о том, забросит ли меня сюда жизнь ещё когда-нибудь. Может быть, да. Хотя, скорее всего, нет. Но я всегда буду знать, что где-то очень далеко, с другой стороны земного шара, неподалёку от южного берега австралийского континента есть маленький чудесный остров, о скалистые берега которого разбиваются шумные волны, на просторах которого живёт множество

кенгуру, возвышаются непостижимые огромные камни, расстилаются необъятные зелёные дали. Я не прочитала об этом в книгах, я не узнала об этом из телепередач, я там была и видела всё это своими собственными глазами. Пустынность берегов, пляжей и равнин, пропитанные дождями скалы, неистовство морской стихии – мы запомним этот остров таким, каким его подарила нам зима: диким, малолюдным, продуваемым ветрами и до восхищения красивым.

Мы вернулись в Аделаиду. После таких бурных каникул было немного трудно снова окунуться в рутину. Но через время всё встало на свои места, и мы продолжили наши австралийские будни, наполненные учёбой и работой. Учёба в начале нового семестра оказалась особенно требовательной, – пришлось отдуваться за то, что

мы безответственно пропутешествовали все каникулы. Но, честно сказать, угрызения совести нас не мучили, и мы не жалели ни об одном дне, украденном у статей и книг.

Письмо одиннадцатое Неотправленное «ДВОЙНОЙ УДАР»

Нас не спрашивают, когда послать нам проблемы и неурядицы. Невозможно обратиться наверх и объяснить, что на данном жизненном этапе наши паруса наполняются ветрами путешествий, работы, учёбы, и что как раз сейчас крайне неподходящее время для переживаний. Они, эти неожиданные «перекосы» пути, преспокойно берут своё без скидки на ситуацию, достигают нас там, где мы в этот момент находимся, вне зависимости от того, насколько и чем мы заняты.

Я забеременела. В самый неприемлемый для этого момент. Вдалеке от дома, от помощи родителей, знакомых врачей и привычной медицинской системы.

Я только вошла во вкус австралийской жизни, – прекратила денно и ночью скучать по дому;

выучила все улицы и переулки нового города, который больше не казался мне пустынным, даже когда прятался от меня по вечерам за плотными шторами коттеджей; австралийский английский язык перестал казаться мне «японским» и приобрёл вполне понимаемые лексические и фонетические формы; окружающие меня люди перестали быть толпой чужаков, оказавшись добродушными и приятными в общении однокурсниками, сослуживцами и просто «соседями» по стране.

И вдруг – бац! – всё это потеряло значение, а впереди замаячили долгие месяцы плохого самочувствия, увеличения веса, а ещё позже – пелёнки, распашонки и бессонные ночи, о которых я знала пока только понаслышке и к которым была абсолютно не готова. А если к этому набору добавить тот факт, что всяких уколов, анализов крови и других врачебных «примочек» я боюсь ещё больше, чем пауков, то картина мрачного настроения, придавившего меня в те дни, проявится во всей своей полноте.

«Прощай, Австралия! Прощай ещё до того, как мы отсюда уедем. Прощайте, все грандиозные планы поездок и путешествий», – причитала я, обливаясь слезами.

В наши австралийские будни ворвалась «ай-болитовская» тема. Начались поиски врачей, проверки, анализы и другие сомнительные «преlestи». По совету новых знакомых поиски под-

ходящего медсопровождения успешно завершились в приёмной прекрасного семейного доктора Патришии. Она окружила меня вниманием и добротой, а также познакомила с особенностями австралийской медицины.

Сейчас, по прошествии многих лет, дважды пройдя процесс беременности и родов в Израиле, могу сказать, что есть немало различий между австралийским и израильским врачебными подходами. Во-первых, при нормальном течении беременности к гинекологу женщины Австралии попадают только примерно на пятом месяце. До этого момента будущая роженица находится под наблюдением лишь семейного врача. Во-вторых, австралийские доктора сводят количество проверок до самых необходимых. Израильские же медики наполняют жизнь беременной женщины постоянными проверочными мероприятиями с первых дней и на протяжении всего периода, стараясь ничего не упустить из виду. Какой метод лучше, я судить не берусь. Но, исходя из «шкурного интереса», предпочла бы, конечно, австралийский.

Должна также признаться в том, что в будущем, живя уже в Израиле, несмотря на плохое самочувствие, ненавистное мне частое посещение поликлиник и достаточно тяжёлые первые роды, как только мой первенец оказался вне меня, я уже понимала, что пойду на это снова.

Выносив, родив и вырастив двоих детей, я теперь точно знаю, что ни одно путешествие не сравнится с долгими часами, проведёнными над кроваткой малыша, который хватает тебя за палец, беззубо улыбается и лепечет что-то на своём младенческом языке; что постепенное восхождение детей по лестнице взросления, по ступеням первых шагов, слов, рисунков, друзей, экзаменов, принятых решений, проявлений талантов и так далее – это самый захватывающий разворот событий из всех, что мне доводилось наблюдать; что эти удивительные, интересные, выросшие молодые люди – моё самое главное и удачное достижение в жизни.

Но тогда эта феерия материнства была мне неведома. Я была погружена в оплакивание своей свободы, находящейся на грани исчезновения, длиннющего списка мест, которые мы, скорее всего, уже не посетим и дел, которые мы, скорее всего, уже не сделаем.

Для описания последующих событий, мне снова придётся прибегнуть к лексическому повтору со словом «только». Только я начала улавливать сквозь мутные слои страха и расстроенных чувств упоительные частоты новой энергии; только стала привыкать к мысли о том, что во мне происходит нечто важное; только...

Не прошло и месяца, как случился выкидыш.

Казалось, природа наказала меня за неприятие её подарка и за те слёзы.

И они полились снова.

Но теперь – по другому поводу. Это были слёзы потери. Слёзы утраты чего-то, что ещё даже не приобрело конкретных очертаний, но уже стало бесценным и неповторимым.

Меня снова придавила душевная тяжесть, но груз этих эмоций был ещё более увесистым. Я помню странное чувство пустоты, физической пустоты. Помню, что ощущала себя ненужной и бесполезной. Не сумевшей, не оценившей, не справившейся. Мой муж пытался вытащить меня из этого состояния, как мог. А рядом с нами в те нелёгкие дни неотлучно были наши друзья – Бун Си и Джексон.

Вскоре буря эмоций улеглась. Я пришла в себя и морально, и физически. Медицинские темы потихоньку сошли на нет и окончательно испарились из нашей повседневности. Поток будней вернулся в своё русло. Мы понеслись дальше по течению: учёба, работа, рестораны, кинотеатры, поездки и уже почти родные улицы уютной Аделаиды – снова заполнили нашу жизнь. Список запланированных путешествий, с которым я драматично прощалась на время своей несостоявшейся беременности, был осуществлён до единого пункта, а также обогащён многими дополнительными событиями и дорогами. Однако теперь всё это имело чуть-чуть другой оттенок. От вехи под названием «выкидыш» траектория моей жизни изменилась. Впредь всё происходи-

ло на малозаметном и размытом, словно водяные знаки на бумажном листе, но всё-таки осязаемым фоне, фоне мыслей о том, что могло бы произойти, но не произошло, не случилось, не сложилось.

Письмо двенадцатое АДЕЛАИДСКИЕ ХОЛМЫ

Автобусный альпинизм,
гигантская деревянная лошадка
и винный кутёж

Ближайшей целью наших туристических «набегов» были Аделаидские Холмы (Adelaide Hills), окружающие город с восточной стороны. Местные жители ласково называли эту местность back yard (задним двором) Аделаиды. У меня же эта широкая полоса холмистой местности вызывала ассоциацию зеленого шарфа, накинутого на плечи города. Дорога туда занимала не более чем полтора часа, так что можно было, не дожидаясь каникул, просто наезжать по выходным дням и знакомиться с территорией Холмов постепенно и маленькими порциями.

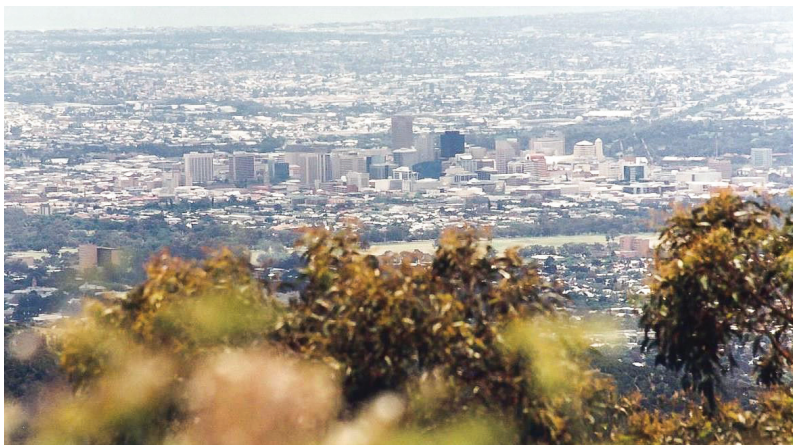
Природа Холмов настолько красива, что просто проехаться на машине по извилистым узким дорогам – это само по себе стоящее путешествие,

а знакомство с городками, винодельнями и заповедниками, которые приютились среди зелени Adelaide Hills, – это уже бонус.

Гора Лофти – одна из самых удивительных достопримечательностей в окрестностях Аделаиды. Забраться на вершину Лофти можно несколькими способами: во-первых, по пешеходным туристическим тропам; во-вторых, на специальном автобусе, который поднимается на самую «макушку» горы. Мы проигнорировали вариант пешей «прогулки» вверх по склону, так как автобусный маршрут показался нам гораздо более привлекательным. Рассматривая пейзажи из окна автобуса, который, кряхтя, поднимал нас по спиральной дороге наверх, я смаковала тот факт, что «кряхтел» автобус, а не мы. Когда конечная остановка была достигнута, перед нами как на

ладони открылась вся Аделаида: и высокоэтажки Даун Тауна, окружённого кольцом парков, и низкие крыши «спальных» районов, и блестящее море. Если погода ясная, то с этой смотровой площадки можно увидеть даже остров Кенгуру.

Большую территорию горы Лофти занимает ботанический сад. Честно говоря, на сад этот заповедник походил очень мало, скорее, на горный лес, спускающийся по склонам к озеру. Гуляя по цветочным, кактусовым, лиственным и хвойным «залам» этого «музея», мы постепенно подошли к сердцу ботанического сада: перед нами неподвижной гладью блестел огромный, почти прямоугольный водоём, обрамлённый холмами, а на них переливались все цвета австралийской осени. При виде этого ландшафта мы, к тому времени уже искушённые красотами австралийской природы, оцепенели.

Спустившись с Лофти, мы зашли в расположенный неподалеку Заповедник Дикой природы «Клиланд» (Cleland Wildlife Park). За время пребывания на Австралийском континенте, мы много раз посещали подобные заведения. Это, конечно, может вызвать вполне обоснованный вопрос: сколько можно смотреть на одно и то же? Но для нас, приехавших с Большой Земли, общение с невиданными ранее животными каждый раз было чудом.

Клиланд нас не разочаровал. Кенгуру, страусы, собаки Динго занимались своими делами, не обращая на нас особого внимания. Мы же подолгу наблюдали за ними, стоя возле просторных и уютных вольеров. А в установленное время работники зоопарка вынесли несколько сонных коал в специальный дворик для передачи питомцев на руки ко всем желающим с ними сфотографироваться.

фироваться. Пушистые «модели», видимо, так привыкли к этому процессу, что сами тянулись к посетителям на ручки, словно дети.

Лично я не решилась принять в объятия столь ценную и увесистую ношу. Вместо этого для совместной фотографии я примостилась рядом. А после ещё долго «общалась» с очаровательным созданием, глядя его мягкую серую «шубку» и любуясь его бархатным носиком и озорными чёрными глазками.

Среди зелени Аделаидских Холмов приютился ещё один заповедник австралийской фауны – «Гордж» (Gorge Wildlife Park), – внушительная частная коллекция диких австралийских животных, принадлежащая одной семье. Пожалуй, этот зоомузей оказался самым уютным из всех, которые нам довелось за этот год посетить. По узким ал-

лейкам парка важно расхаживали павлины, преграждая посетителям путь огромными хвостами.

В широких загонах прыгали кенгуру всевозможных видов и размеров, прогуливались страусы Эму, носились разноцветные птицы. Причем, можно было свободно заходить и в вольеры, и в клетки, где кенгуру и страусы подходили проверить, нет ли у нас чего-нибудь вкусного, а невиданные пернатые садились прямо к нам на руки и фотоаппараты. В просторных водоёмах плавали тюлени и пингвинчики, с веток эвкалиптов нас лениво разглядывали коалы, в стеклянных ящиках копошились ядовитые обитатели материка (в данном отделе парка я почти не задержалась).

Во время одной из наших прогулок по Холмам, мы заглянули в очаровательный Хандорф (Hahndorf). Этот немецкий городок исторически являлся первым неанглийским поселением в Южной Австралии. Во время прогулки по его красочным улочкам меня не покидало ощущение, что мы перенеслись в давние времена, в германскую деревеньку: на каждом шагу располагались магазинчики, мастерские и выставки рукодельных изделий, из уютных кафе слышались немецкие песенки, рядом с ресторанчиками громкоголосо расхваливали еду зазывалы в немецких традиционных костюмах.

Мы также не смогли проехать и мимо другого, не менее притягательного городка – Гумерака (Gumeracha).

Здесь расположена крупнейшая фабрика деревянных игрушек. В большом магазине, находящемся при мастерских, воздух был пропитан терпким запахом стружек, а в глазах просто пестрело от невероятного количества разнообразных безделушек. Поваяло детством, и в моей памяти проступили нечёткие очертания маленьких деревянных курочек, которые громко «склёвывали» зёрнышки с круглого диска, стоило лишь немного наклонить диск, держа его за ручку. Вспомнился и яркоокрашенный клоун, вырезанный из дерева, который ловко спускался и поднимался по разноцветным палочкам. Любимые игрушки моего одесского детства. Стало немного грустно.

Но приехали мы в этот городок не только для того, чтобы прогуляться по магазину и понаблюдать через огромное окно, как производят деревянные изделия в рабочем цехе. Нас привлекла сюда другая достопримечательность – самая большая в мире деревянная качающаяся лошадка (The Big Rocking Horse). Покататься на ней вряд ли получилось бы, но вот забраться на неё, преодолев множество ступенек, чтобы полюбоваться на окрестности, – пожалуйста.

Мы, конечно, так и поступили. При этом ощущение было абсолютно фееричным: казалось, в нашем распоряжении детский садик страны великанов.

Да, и конечно, Бёрдвуд (Birdwood). Несмотря на своё название, это поселение больше всего при-

влекает к себе туристов отнюдь не птицами, а самым большим в Австралии автомузеем. Здесь хранятся около трёхсот машин, мотоциклов и других представителей колёсного транспорта различных марок. Среди экспонатов можно увидеть самые старые модели и самые современные, миниатюрные машинки и гигантские трейлеры, которые трудно охватить взглядом. В старинных автомобилях можно посидеть, а самые современные нельзя и руками потрогать. Даже мне, различающей машины не по маркам, а по цветам, трудно было оттуда уйти. Ну, а знатоки и любители могут легко забыть в этом музее о времени.

На склонах Холмов расположилось несколько винных ферм. Практически все они имеют свои рестораны и магазины, где можно купить производимые данной винодельней напитки, а также попробовать всё, что захочется. Если вы когда-нибудь окажетесь в тех краях, то искренне советую вам сначала хорошо подкрепиться в ресторане, а уж потом приступать к дегустации вин в баре-магазине. Тогда вы сможете запомнить обратную дорогу.

А она стоит того. Особенно, если спускаться на равнину вечером, после захода солнца. В нескольких местах тёмные холмы расступаются, и в этот момент между склонами открывается обрыв, а там, внизу – море огней ночной Аделаиды. Эта красота длится не более пары секунд, затем холмы снова смыкаются, чтобы минут через

пять вновь заставить вас ахнуть от внезапно раскинувшейся перед вашими глазами панорамы.

Часто, пробегая по своим привычным будничным траекториям вдоль аделаидских улочек, я взглядом вылавливала вдалеке волнистые очертания Холмов. Закрадывалось желание изменить маршрут и углубиться в густую зелень их дорожек. Вырваться из рутины посреди рабочего дня и рабочей недели очень сложно, даже если будни протекают в необычном для нас австралийском антураже. Но возвышающиеся над городом тёмные силуэты Холмов постоянно напоминали нам об их доступности и дразнили предвкушением скорой встречи.

Конечно, зелёная холмистая «окантовка» Аделаиды хранит в себе гораздо больше секретов, чем мы успели раскрыть. Но все-таки мы увидели немало. И потом, может, мы ещё когда-нибудь туда вернёмся. Кто знает...

Письмо тринадцатое Неотправленное АВСТРАЛИЯ НА ЧЕТВЕРЫХ

На основании чего зарождается дружба? Я имею в виду не просто приятельские отношения – тусовки в барах, застолья дома, посиделки в кофейнях и так далее (что само по себе тоже здорово). Я говорю о другом: когда соединяешься с кем-то краями, точно складываются правильно подобранные кусочки пазла, да так, что в результате создаётся цельная и ладная картина.

Мы сошлись сразу.

На первом же уроке муж разговорился с одной семейной парой из его группы. Не откладывая, было решено выйти вчетвером попить кофе в конце того же дня. «Почему бы и нет?», – подумала я, когда супруг рассказал мне о новом знакомстве и о внезапно наметившихся планах на вечер. – «Попробовать стоит. А вдруг из этого что-то получится».

С того самого первого кофе на четверых австралийский год поменял для нас свою «цветовую гамму». До знакомства с этой парой австралийские пейзажи казались нам, безусловно, прекрасными, но оттенёнными ощущениями одиночества и отчужденности. И вдруг мы приобрели радость совместного времяпровождения, лёгкость принимаемых вместе решений, тепло постоянного комфортного общения.

В душе каждого человека имеется некое подобие «записной книжечки», где хранятся адреса и телефоны родных людей. И мы, часто неосознанно, мысленно перелистываем этот «блокнотик памяти», пытаюсь ощутить почву под ногами или просто согреть себе сердце. Аделаида окружила нас красотой и уютом улиц, но «записная книжка» её территории в наших душах была пуста. А в тот вечер на её страничках появилась яркая и чёткая «запись».

Отныне мы многое делали вместе: учились, путешествовали, смотрели фильмы, исследовали местные кафе и ресторанчики, бродили по паркам, составляли планы на выходные и потом превращали эти планы в реальность.

Мы были такие разные. Я и мой супруг – уроженцы Украины и уже много лет жители Израиля. Они – сингапурцы, дети китайской культуры. Джексон и Бун Си. И всё же мы были очень похожи. Нам нравились те же фильмы, те же кофейни, те же пешеходные маршруты. Нас волновали одинаковые проблемы и заботы.

Мы взахлёб рассказывали им, а они нам о привычной жизненной рутине, домах и семьях, предоставляя тем самым каждому из нас возможность разглядывать в деталях, словно через лупу, далёкие и чужие миры. Поочередно принимая на себя обязанности хозяев, мы посвящали друг друга в особенности китайских, израильских или украинских будней, праздников, обычаев и тонкостей быта. И в то же самое время вместе постигали мир Австралии, который в тот год стал для нас общим. Не знаю, какими были бы для нас эти долгие месяцы, если бы мы не шли через них вчетвером.

Помню, как в самом начале этой дружбы мы с гордостью сообщили нашим сингапурским соратникам, что являемся ценителями китайской кухни. Уловив сомнение в их реакции, мы повели ребят в китайский ресторанчик, обнаруженный нами немного ранее в центре Аделаиды. Ассортимент этого местечка очень напоминал меню китайского общепита, который мы частенько посещали в Израиле. Джексон и Бун Си снисходительно над нами посмеялись и в ответ повели нас в настоящий, а не европеизированный азиатский ресторан. На полочках кафе стояли глубокие тарелки, в которых лежали разные варианты суповых наполнений – овощи, мясо, вермишель и так далее. Посетители брали приглянувшуюся им пиалу и подходили с ней к прилавку, где повар заливал бульоном, выбранный клиентом су-

повой набор. Это выглядело очень аппетитно, к тому же Бун Си и Джексон, сидя напротив нас, уже вовсю орудовали ложками, со вкусом поглощая ароматный супчик. Но отправив первую ложку в рот, я подскочила, как ошпаренная. В прямом и переносном смысле. Ошпаренная не кипятком, а перцем. Это было беспощадно остро! Пот и слёзы полились одновременно. Перед глазами возникла сцена из мультика «Том и Джерри», в которой ужаленный кот носился по кругу с такой скоростью, что его очертания размывались. Я была близка к тому, чтобы пуститься в такой же аллюр между столиками кафе. (Хотя вряд ли я могла бы развить подобную скорость. А жаль. Было бы кстати для быстрого охлаждения). В результате суп мы использовали не по прямому назначению, а в качестве добавки к рису. И надо сказать, одной ложки этой «приправы» было достаточно на большую порцию, для того, чтобы мы спешно запивали еду соком под усмешки и шутки наших гастрономических проводников. Вот такой получился у нас кулинарный экстрим.

А потом... потом была моя оборвавшаяся беременность. В тот день, когда мы вернулись из поликлиники домой, я воспринимала реальность через призму постепенного осознания потери. Смутно помню, как Джексон готовил на нашей кухне ужин, а со мной рядом неотрывно находилась Бун Си. После этого они постоянно вытягивали нас с мужем в парки, кино, кафе, – куда угод-

но, только бы оттащить от хандры, которая как зыбучий песок расстилалась прямо у моих ног.

А ещё позже мы расставались. Возвращались в привычные для нас жизни, такие разные и такие далёкие друг от друга. Мы, конечно, успокаивали себя наивными увещеваниями в том, что расстояние не может повлиять на дружбу. Но каждый из нас прекрасно осознавал правду, – может, ещё как может! Когда рутинная со всей мощью несёт твой кораблик по бурлящим рекам повседневных забот, очень сложно сохранять один из якорей в почве далёкой земли. Как бы гибок и эластичен не был трос, он в какой-то момент не выдержит напряжения и порвётся.

Хотя этот союз явился одним из самых ценных даров австралийского периода, теперь он видится мне через фильтры расставания и потери, расстояния и времени. Именно поэтому рассказ об этой дружбе я спрятала на страницах неотправленного письма.

Больше мы никогда не встречались. По крайней мере, до сих пор. Они так и не приехали в Израиль. Мы так и не добрались до Сингапура. Мы продолжили наши жизненные истории порознь. Врозь справляли праздники, путешествовали, решали проблемы, – всё то, что в далёком 1999-ом году совершали вместе. За время, пролетевшее с тех пор, и они, и мы родили и вырастили детей, построили бизнесы, завели новых друзей, укрепили старые, ещё доавстралийские связи. Всё по-

шло своим чередом и у них, и у нас. Но... в разных измерениях.

Однако мне кажется, если наша встреча когда-нибудь состоится, то возникнет ощущение, что мы лишь вчера разошлись по домам после очередного совместного похода в кино или ресторан, и не было этих долгих, разделивших нас лет. Мы просто спросим: «Как дела?» или «Что нового?» и начнём болтать о разных вещах – важных и пустяковых, грустных и весёлых, глобальных и личных, смешивая всё в одну кучу, перебивая друг друга и приправляя все разговоры шутками и анекдотами.

Я часто пыталась допридумать наши отношения, подобно тому, как мысленно продолжаешь сюжет полюбившейся книги, с которой не хочется расставаться. Отправлялись бы мы вместе в путешествия? Например, в Париж? Или, может, в Прагу? Приезжали бы друг к другу в гости большими семьями, с детьми? Отмечали бы совместно дни рождения и юбилеи? Перезванивались бы по каждому поводу и без повода? Сложно сказать, но думаю, что да.

Письмо четырнадцатое ГОРОДОК ВИКТОР ХАРБОР И ЗАПОВЕДНИК ХАЛЛЕТ КОВ

Остров на краю земли,
какета на рельсах
и красноспинный главнокомандующий

Виктор Харбор (Victor Harbor) располагался совсем недалеко от нашей Аделаиды (немногим больше часа езды на машине), по другую сторону полуострова Флоро (Fleurieu).

Этот городок, раскинувшийся на берегу живописного залива, показался нам солнечным и весёлым, а кружащие над ним чайки делали его ещё более светлым и праздничным.

В центре города красовался фонтан в виде китового хвоста. «Оригинальная находка для оформления городского ландшафта», – подумали мы, рассматривая нестандартный монумент. Но очень скоро узнали, что его присутствие на центральной площади поселения более, чем логично. Это не просто самобытный дизайн, а вполне обоснованная символика. Оказалось, что киты бывают частыми «гостями» залива, – они проплывают мимо городка в мае и октябре. И тогда, в китовый сезон, здесь собираются толпы, чтобы полюбоваться тем, как хлопают по воде огромными веерами хвостов океанские гиганты. Но так как мы не навестили этот «китовый уголок» ни в мае, ни в октябре, нам пришлось довольствоваться лишь размахом каменного хвоста на городской площади и рассказами очевидцев об исполинских «посетителях» залива Энкантер (Encounter Bay), позволяя своей фантазии дорисовывать всё остальное.

На мой взгляд самая интересная особенность городка Виктор Харбор – это маленький близлежащий островок. Настолько маленький, что на картах он почти никогда не отмечен. Называется этот клочок земли – Гранитный (Granite Island) и неслучайно: его основа – это гранитные кам-

ни, маленькие экземпляры которых я, конечно, унесла с собой в сумочке на память.

Granite Island отделяли от берега всего лишь десять минут ходьбы. Звучит странно, не правда ли? Остров в десяти минутах ХОДЬБЫ от большой суши. Я не перепутала. Всё верно. Именно ходьбы. Берег залива и гранитный островок соединял построенный жителями городка длинный мост. По нему можно было пройти или проехаться на особом транспортном средстве: вдоль проложенных на мосту рельсов грузно топала лошадка в упряжке и тащила за собой катящийся по рельсам двухэтажный вагончик, доставляя посетителей с берега на островную землю и обратно. Получалось что-то вроде «трамвайной кареты». (Интересно, в ходу ли до сих пор эта транспортная линия, имеющая всего лишь две остановки – Виктор Харбор и Гранитный Остров?)

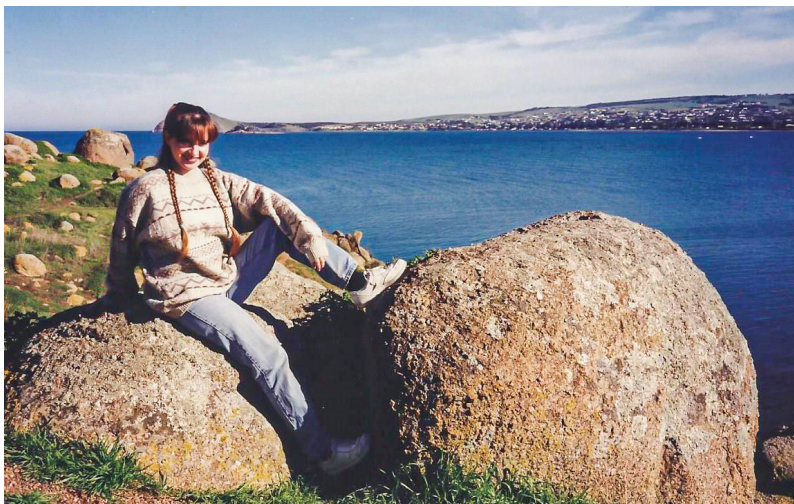
Мы не стали мучить бедное животное, добавляя наш вес к едущим в трамвайчике туристам, и пересекли мост по бегущей вдоль рельсов пешеходной тропинке. Отмечу, что мы прошли это расстояние гораздо быстрее лошадки (и не удивительно – мы же не тащили за собой карету с пассажирами).

Гранитный остров оказался ещё меньше, чем виделся нам с берега. Мы обошли его за час. На этом каменистом осколочке суши проживают самые маленькие пингвинчики в мире. Они боятся дневного света и до наступления темноты

прячутся в своих норках вдоль побережья. Гуляя по островку, мы видели среди камней их чёрные блестящие спинки. Более близкое знакомство с этими существами у нас произошло на острове Филипп (о чём мной предоставлен подробный отчёт на страницах мельбурнского письма).

И всё-таки самой запоминающейся особенностью этого островка явилась для меня не какая-то из туристических достопримечательностей, а просто возможность смотреть на австралийский берег со стороны.

С детства Австралия представлялась мне немыслимо далёким краем, практически концом Света. Теперь же мы не только добрались до этого края, а, миновав его, оказались ещё дальше.

Не могу передать, насколько странно было созерцать полоску австралийской земли издали,

по другую сторону этого континента, как бы «переступив» через него. Вероятно, такие же ощущения переполняют сердце альпиниста, стоящего на вершине покорённого им Эвереста. (Хотя с уверенностью сказать не могу, – на Эвересте никогда не стояла и, честно говоря, не претендую.)

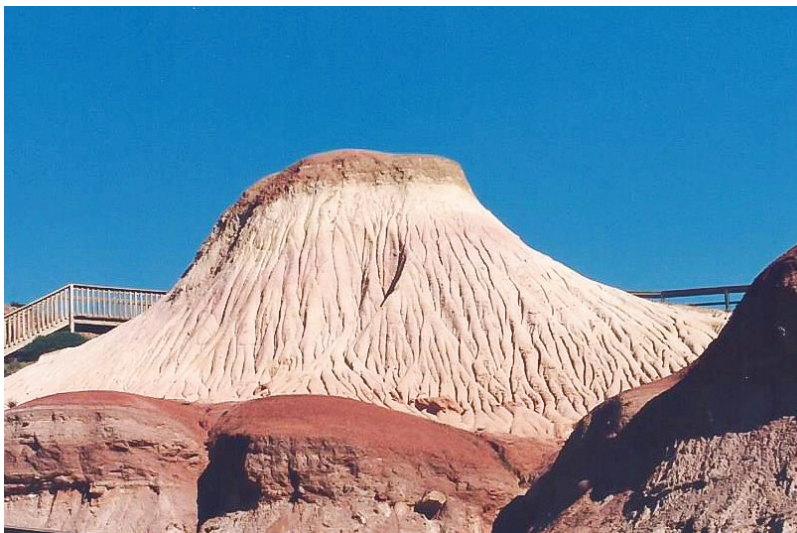
А вот ещё один удивительный уголок Южной Австралии, куда нам довелось заглянуть – это заповедник Халлет Ков (Hallett Cove).

Если парки дикой природы (wildlife parks) – это «музеи» австралийских животных, а ботанические парки – «галереи» растительного мира, то Халлет Ков – это «паноптикум» геологии. Тропинки этого заповедника водили нас между удивительных каменных залежей причудливых форм и цветов.

Эти природные «экспонаты» хранят на своей горной «канве» «стежки» самых важных исторических вех. Не тех, которые зафиксированы на шкале времени войнами и завоеваниями человечества. Речь идёт об истории формирования «тела» Земли. Некоторые из горных пород, находящихся здесь, являются носителями следов австралийского ледникового периода. Сложно даже представить, какие секреты хранят эти «молчуны».

Давным-давно это место было дном не очень глубокого моря. С тех пор произошло множество трансформаций: реки, впадающие в это море, приносили песчаные осадки, уменьшая его глу-

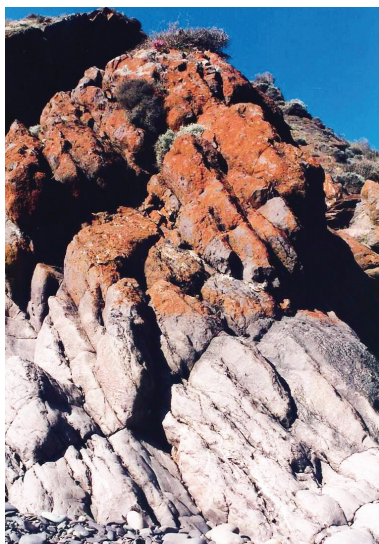
бину; земная кора приходила в движение, создавая горы, которые потом, в свою очередь, разьедала эрозия; эти места покрывали ледники, а после таяли, образуя резервуар воды, который впоследствии постепенно высыхал, и многое другое. Все эти процессы занимали миллионы лет, и почти все они оставили свой росчерк здесь, на горных «полотнах». Да уж, знатно потрудился в этих местах скульптор Время, создавая «каменный ансамбль» в стиле сюрреализма.

Витиеватые изваяния Халлет Ков просто гипнотизировали нас своими невероятными очертаниями, линиями и оттенками, от них невозможно было оторвать взгляд.

Кстати, именно в этом парке произошла одна из наших не очень желанных встреч, упомяну-

тая мной в письме о природе. Прямо перед нашими ногами чинно перебирался через тропинку с одного зелёного «берега» на другой коренной ядоносец Южной Австралии – паук Красноспинка. Это – достаточно маленькое создание, особенно по сравнению с другими, более видными представителями австралий-

ского паучьего мира, некоторые из которых, как вы помните, могут быть размером с очень большую ладонь. Но ярко-красный цвет его спины делает этого мини-монстра вполне заметным, а порция смертоносного яда, сокрытая в нём, вызывает страх. Мы стояли, не двигаясь (а я – так и не дыша), пока малюсенькое восьминое создание не спеша пересекало аллею парка. Паук двигался так степенно, словно прекрасно знал, что мы – огромные на его фоне высшие существа земной фауны – стоим перед ним по стойке смирно, как стройная шеренга солдат при прохождении вдоль неё главнокомандующего. Когда Красноспинка достигла края тропинки, мы выдохнули и зашевелились, словно по велению игры «Отомри!» из далёкого детства, и продол-

жили свой маршрут дальше между диковинных холмов и нагромождённых камней красноватых оттенков. Правда, после упомянутой встречи наше внимание было немного отвлечено от горных массивов тем, что мы начали настороженно смотреть под ноги. (Иди – знай, на кого можно наступить на этих парковых дорожках!)

Письмо пятнадцатое

Неотправленное

МЫ И КО

Собираясь в Австралию, я готовила себя к за-тишью в общении, к тихому периоду, когда не собираются компании у нас дома, нет совместных выходов в рестораны, на пикники и прогулки, что являлось неотъемлемой частью нашей израильской рутины. Во-первых, думала я, за год мы вряд ли сумеем одолеть преграду, которую иностранный акцент и иная ментальность обычно выстраивают между приезжими и местным населением. Во-вторых, по слухам и рассказам у меня сложилось впечатление, что австралийцы достаточно закрытые люди и редко пускают чужаков в круг своих друзей.

Но все сложилось совсем по-другому.

Надо отметить, что в Южной Австралии, где мы обитали, русскоязычная община далеко не так многочисленна, как в Мельбурне или Сиднее.

Поэтому от коммуникации с себе подобными (по языковому принципу) мы действительно были отрезаны. Роскошью разговоров на родном русском мы могли лишь одарить друг друга, иных вариантов у нас не было. Однако, этот год был далек от тишины. Вопреки моим предположениям, он был озвучен телефонными звонками, шумными домашними застольями, парковыми пикниками и групповыми «набегами» на пабы и рестораны.

В начале в нашу жизнь стихийно ворвались Джексон и Бунси, которым было посвящено прошлое Неотправленное письмо. Из дней, проведённых на австралийском континенте, было намного больше тех, которые мы провели вместе, чем тех, в которые мы с ними не встречались. Кроме этой близкой дружбы, у нас очень скоро сложилась целая компания. Мы часто собирались вместе в одном из пабов Сити Аделаиды, устраивали барбекю, зависали в домах друг у друга. Наверно, трудно было бы найти более интернациональную бригаду: семейная пара из Шотландии, семейная пара из Англии, американка Карелин, финн Хану, австралийка Трейси, сингапурцы Джексон и Бун Си и мы – израильтяне. Наше совместное общение происходило, конечно, на английском, но можете себе представить какими разными акцентами мы жонглировали, когда собирались вместе и, перебивая друг друга, травили анекдоты, шутки и болтали обо всем на

свете. Этот состав сложился сам собой, следуя душевному наитию и сердечной химии. Когда мы, отправляясь в Австралию, расставались с нашими израильскими друзьями, грустнее всего было думать о том, как в той далекой стране мы будем справлять наши дни рождения – просто вдвоем, дома или в кафе. Какое там! Оба наших праздника были наполнены привычными нам звуками – звоном посуды и взрывами смеха, а также переживаниями из серии как всех рассадить и что приготовить.

По окончании года мы все разбежались по своим привычным мирам, кто-то уехал домой, а кто-то остался дома в Австралии. Я часто вспоминаю этих ребят, наполнивших наш австралийский год радостью общения. Часто думаю о том, как сложились их жизни в последствии.

Помню, как мы праздновали день моего рождения – 24 октября, когда стрелки на нашем австралийском «циферблате» уже значительно перевалили за середину срока, и стали неотвратимо приближаться к концу этого круга. В какой-то момент я вышла из-за стола, чтобы принести забытые на кухне салфетки. Схватив пачку салфеток, я бросилась обратно, но застыла на пороге, любуясь происходящим. Минут пять я, наблюдала за этой картиной, стоя у стены, соединившей салон и кухню: шумная группа очаровательных молодых людей, говорящих на английском языке с разными акцентами, приехавших из разных

стран и ставших одной компанией. Я старалась как можно ярче запечатлеть в памяти происходящее, словно пыталась навести линзу фотоаппарата на идеальную резкость, чтобы потом можно было воссоздать все в мельчайших подробностях и прожить снова. Но разве время обманешь? Оно неотвратно берёт свое. Как цепко ни захватывала бы память события, они остаются в прошлом, постепенно бледнеют и размываются новыми красками текущих дней. Грустно. Потому-то этому письму, несмотря на то, что оно рассказывает об одном из самых хороших аспектов нашего австралийского года, я отвела роль Неотправленного.

Австралийкой из нашей компании была только Трейси, и на правах хозяйки, она часто приглашала самых приближенных к себе домой на семейные и календарные праздники. Ее гостеприимные родители накрывали большие столы, создавали уютную атмосферу, и мы чувствовали себя абсолютно комфортно среди её родственников и друзей.

По-моему, это был день рождения Трейси. Она собрала дома большую компанию. Ее близкая подруга была замужем за очень известным физиотерапевтом. Назовём его Майкл. Мой муж, будучи еще студентом Тель-Авивского университета, был хорошо знаком с научными статьями Майкла, и учился по его книгам. Потому предстоящая встреча волновала нас и немного тревожила. Мы

гадали, захочет ли человек, достигший больших высот на профессиональной лестнице, общаться со студентом. Трейси представила нас Майклу и его жене, и минуты через две официального знакомства мы поняли, что наши переживания были напрасными. Разговор потек сразу, а через пару дней они пришли к нам в гости с новорожденной малышкой. За последующие месяцы мы были несколько раз у них, а они у нас.

Когда нам подошло время уезжать, стал вопрос о прощальной вечеринке. Чтобы собрать всех наших новообретённых друзей, нужно было, по австралийским традициям, как минимум, устроить барбекю на заднем дворике дома. Но так как у нас не было ни дома (напоминаю – мы снимали квартиру на втором этаже двухэтажного здания), ни тем более заднего дворика, вопрос оставался открытым. Во время одной из бесед с Майклом мы коснулись этой темы, и он тут же решил эту дилемму, предложив устроить отвальную у него дома.

Вечеринка получилась замечательная! Интересно, что именно Майкл оказался тем, с кем мы сохраняем связь до сих пор. Мой муж продолжил с ним тесное общение и в профессиональной сфере. Майкл гостил у нас в Израиле, мы также несколько раз пересекались с ним в европейских странах.

Впечатление о закрытости австралийцев, сложившееся у меня до приезда на этот континент

и подкрепленное зашторенными окнами домов, которыми по началу тихий город смотрел на нас во время наших вечерних прогулок, было развеяно до конца и бесповоротно. Местные жители – сокурсники мужа, учителя и мои коллеги по исследовательскому центру – охотно приглашали нас в свои дома и с готовностью отзывались на наши приглашения. Я часто вспоминаю наших аделаидцев с теплом и благодарностью. Прошло столько лет, а я помню их по именам, помню их лица, улыбки. Благодаря их терпению и пониманию за этот год мы ни разу не почувствовали себя аутсайдерами. Если бы не их радушие и открытость, думаю, Австралия запомнилась бы нам совсем в других цветовых гаммах.

Письмо шестнадцатое

РАССТАВАНИЕ

«Было» и «Теперь»

Потом было ещё очень много всего.

Было завершение учебного года, торжественная церемония, на которой профессора выдали моему супругу, облачённому в академический плащ и шапочку, диплом мастера.

Был выпускной бал, black tie party, на который мы и ребята, – сокурсники мужа, пришли непривычно нарядными, в вечерних платьях и смокингах, с красивыми причёсками, и разглядывали друг друга с восхищением.

Было прощание с ними всеми, такими разными, такими интересными, съехавшимися на этот год в Аделаиду из разных стран и теперь возвращающимися в родные пенаты. Австралия сплела наши дороги в одну общую сеть на целых 12 месяцев, и теперь они постепенно распутывались, расходясь в разные стороны.

Было ещё одно путешествие – длиной в две недели. По окончании учебного года мы провели практически всё оставшееся до отлёта время в дороге. Взяли в аренду машину и поехали вдоль побережья из Аделаиды в Сидней, делая привалы, там, где взгляд вылавливал красивые места, и останавливаясь на ночь в попадающихся по дороге маленьких гостиницах Bed and Breakfast. За эти две недели мы повидали так много, что описать всё это просто невозможно. Да и названия многих мест я не запомнила. Это был калейдоскоп из водопадов, утёсов, зоопарков, дождевых лесов, больших и маленьких городов.

«12 апостолов» вдоль Великой Океанской Дороги

Скажу только, что мы снова нанесли визит нашему старому другу – Мельбурну. А путь из Аделаиды в Мельбурн лежал вдоль Великой Оке-

анской Дороги, которая пролегла между высокими склонами с одной стороны и необъятной океанской гладью с другой. Там мы повстречали «12 апостолов» – 12 горных осколков, отделившихся от скалистого берега и стоящих на близком от него расстоянии, словно вереница гигантов в чёрных плащах, бредущих друг за другом вдоль берега по воде.

Мы долго вглядывались в их тёмные очертания. Казалось, время подчинялось в этом уголке земного шара другим законам, – не летело стремглав вперёд, а медленно-медленно брело по воде рядом с двенадцатью огромными, укутанными в чёрные плащи и погружёнными в свои мысли путниками. Наваждение было так остро, что на долю секунды захотелось окликнуть их, спросить о чём-нибудь из того, что нам, простым смертным, неизвестно, или просто накинуть на голову и плечи тёмный плащ, встать в этот молчаливый строй и брести рядом с ними, находясь вне прошлого и настоящего. С трудом оторвавшись от гипнотизирующего пейзажа, мы вернулись в машину, завели мотор, и время снова побежало вперед, вернувшись в свой обычный ритм.

А ещё был прекрасный Сидней, который раскрывал перед нами белые «паруса» Театра Оперы и Балета; выгибал гигантский мост, щекочущий вершиной дуги низкие облака; распахивал уютные и праздничные заливы со множеством кафе и ресторанов и украшал их для нас то утренними чайками, то вечерними фонариками.

Мы бродили по сиднейским шумным проспектам и широким паркам, заходили в его музеи и заповедники, но чем больше мы постигали, тем больше оставалось ещё неохваченным. Этот город запомнился мне торжественным, небоскрёбным, вспыхивающим по вечерам сотнями огней, расстилающим водные и парковые просторы, многолюдным и бесконечным.

Театр оперы и балета в Сиднее

А после возвращения в Аделаиду из двухнедельного путешествия были сборы, последние покупки наспех, обмены адресами, прощальные слова и обещания не терять связь.

Было такси, которое отвозило нас в аэропорт. Водитель словно понял нашу грусть и провёз нас по самым красивым городским улочкам и паркам, хотя технической необходимости в этом не

было. За окном машины проплывали пейзажи, которые год назад я так же из окна такси, только по дороге из аэропорта в город, рассматривала с интересом и отчуждением. Теперь все эти улицы пролегли через моё сердце. Я с трудом могла разглядеть что-либо в окне машины из-за льющихся слёз, но точно знала, какой проспект или сквер мы проезжаем, и какой вид откроется после поворота.

В самом начале этого периода, когда мы вышли из самолёта на австралийскую землю, 12 следующих месяцев лежали перед нами непреодолимой бездной. Каким коротким оказался этот срок на самом деле! Когда по приезде в Аделаиду я оглядывалась вокруг, на меня смотрел чужой город. Все его топонимы были пустыми, ничего не значившими для меня словами.

Теперь те же названия, каждое из них, вызывает множество ассоциаций.

Теперь мы хорошо знаем, где можно посидеть за уютным столиком и пообедать или просто попить кофейку, где находятся нужные магазины, самые красивые парки, интересные музеи, ближайшие остановки и так далее.

Теперь у нас здесь много знакомых, и в результате телефон, как и раньше, в Израиле, часто отрывает нас от дел, а скатерть и посуда для гостей не успевают отдохнуть на полке в шкафу.

Теперь наш английский перестал быть камнем преткновения между нами и местными жителями и приобрёл крепкий австралийский акцент.

И, наконец, теперь нам надо уезжать. Жалко!

К хорошему быстро привыкаешь. Ближе к концу года я стала ловить себя на мысли, что иду через парк по своим делам быстрым шагом, не глядя на зелёные просторы и цветных попугаев, не замечая птичий гомон и пьянящий аромат; пересекаю улицы, не задирая головы, чтобы полюбоваться на красивые дома; делаю покупки, общаюсь с продавцами на английском и не обращаю на это внимания. Конечно, такие «затмения» длились недолго. Стоило мне отключиться от проблем насущных, и я снова замирала, приглядывалась, прислушивалась и принималась, ценила и старалась запомнить навсегда всё, что нас тогда окружало.

Нам повезло. Наше знакомство с Австралией не было мимолётным. Мы провели с ней целый год. Мы видели, как полки магазинов пестрели от разноцветных блестящих обёрток пасхальных яиц, а через какое-то время заполнялись новогодними игрушками. Мы наблюдали, как листва на деревьях желтела и опадала, образуя немыслимый по красоте ковёр, который потом безжалостно поливался дождями зимы. Мы видели, как на ветках появлялись молодые побеги и превращались в густую листву, как пропитанная дождями земля снова высыхала от палящего зноя, покрывалась пылью и опять начинала скучать по осени. Нам посчастливилось увидеть весь этот круговорот. Летняя январская жара нас встретила, она же и будет нас провожать.

Гостеприимный край, обрамлённый Аделаидскими холмами и Тасмановым морем. Музеи и галереи, колледжи и университеты, кафе и рестораны, уютные скверы и широкие парки, тихие улочки и людные проспекты, спокойная и поблескивающая на солнце река Торренс – сложите все эти составные части вместе, и вы получите манящую картину Аделаиды.

Мы заберём кусочек этой жизни с собой на фотографиях и в воспоминаниях. И когда Австралия снова будет на другом полушарии, мы проведём не один вечер, рассказывая о ней друзьям и родственникам, листая страницы фотоальбома и тоскуя по этой земле.

Good Bye, Австралия! Навсегда или на время, нам пока неизвестно. Но зато мы точно знаем, что ты – лучшее место на земном шаре.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Путешествие длиной в год
5

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Знакомство
10

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Австралийцы нашими глазами
15

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Неотправленное
Летняя зима и другие странности
24

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ

Природа
28

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Неотправленное
Первые камни преткновения
46

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Аделаида
51

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Неотправленное

Криминальные истории

61

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Межсеместровые каникулы

72

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Неотправленное

В жанре триллера

87

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Межсеместровые каникулы

97

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Неотправленное

«Двойной удар»

118

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Аделаидские холмы

124

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Неотправленное

Австралия на четверых

134

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Городок Виктор Харбор
и Заповедник Халлет Ков

140

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Неотправленное

Мы и Ко

148

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Расставание

154

Сайты, на которых были найдены
карты для иллюстрации книги

1. Австралия. Путеводитель
по Австралии.
australia-tour.info	6. Kangaroo island
www.pinterest.dk
2. Тургид по 900+
городам мира
www.orangesmile.com	7. Adelaide South Australia
www.pinterest.com.au
3. Отдых & экскурсии
saletur.ru	8. www.mountain-forecast.com
4. yume-dreams.com	9. Adelaide hills
localwiki.org/adelaide-hills/
Hahndorf
5. i-avstraliya.ru	10. rasstoyaniye.lkm.net

Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:
Издательский дом «Beit Nelly Media»
ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль
+(972)-3-5610283, +(972)-54-4657509
www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com